

ВСТУПЛЕНИЕ

Нас было шестеро. Шестеро солдат, попавших на флот под конец службы и вместо холодной зимы переживших круиз на Кубу. Это были Влад Ястребов, Сергей Гуцин, Михаил Киржацких, Александр Острецов, Алексей Герасимов и я, Илья Поляков, решивший описать этот славный поход.

Наша служба в армии шла ни шатко, ни валко. Хватало всего. И одуванчики собирали перед приездом генерала, который не любил желтого цвета, и навозные ямы разгребали. Только что плац ломами не подметали.

А дембель был скрыт за горизонтом. И приближаться не хотел. Конечно, с течением времени мы пообвыкли. Но если вдруг выходило послабление в виде увольнения или учений с выездом из части, то последующее возвращение к обычной службе воспринималось довольно болезненно.

Одной из особенностей части было то, что каждый год посылали на флот несколько солдат, как специалистов. Посылали обычно осенью, за полгода до приказа о демобилизации. При этом у командирюемых обязателен был допуск к таким походам (допуск естественно солдатский).

Второе лето в армии мы прослужили без “интересных” событий. А под конец съездили на учения. Потом были соревнования на лучшего спеца части. К немалому удивлению Влад и я победили по своей воинской специальности и нас направили на Всесоюзные соревнования (тогда еще был Советский Союз). Соревнования всегда проходили в нашей части, а потому нам просто назначили особый распорядок дня в течение двух недель для подготовки. Альтернативы было две: победа с отпуском или провал с гауптвахтой. Рассчитывая на худшее, мы с Владом и другими ребятами-спецами отдыхали, как могли. Но оказалось, что остальные союзные спецы вообще не могут с нами тягаться и сдались без боя. Соревнования отменили. Наша часть осталась лучшей, а мы на радостях вырыли канаву (по команде комбата, разумеется).

Полтора месяца спокойной жизни делали кошмаром оставшийся до дембеля срок. И тут пришел запрос с флота. На целых шестерых солдат. И сроком службы до июня (а ведь обычно к первому мая из части демобилизовывали всех, кому вышел срок). Столько с допусками и не было. Только пятеро. Срочно стали искать крайнего кому можно и переслужить. На Алексея выбор пал почти случайно. Ему дембель был осенью через год. Но лучшего не нашлось. Он стал спецом. Теперь мы уже шестером месяц готовились к командировке по специальности. Опять послабления, особый график, даже три дня отпуска за неделю до отъезда. Удручали только байки о флотских “дедушках”, отслуживших два с половиной года, да и дембель отодвигался на лето. Но холодная зима тоже не радовала.

В день отъезда нам запомнилось одно событие. Впятером, колонной под командованием Влада - ему навесили две сопли на погоны (две лычки), сделав младшим сержантом, а Сергею одну для ефрейторского чина - мы шли из столовой мимо бани. У входа суетился старший прапорщик по прозвищу Дракон, отвечающий за баню. Влад остановил движение.

- Здравия желаю, товарищ старший прапорщик. Можно нам принять баню. Нас сегодня на флот отправляют.

Дальний поход

- Да хоть на Луну!

Ответ Дракона был краткий и запоминающийся. Мы поняли, что в части лишние и поспешили отбыть во главе с капитаном и прапорщиком, которых тоже “ну очень” ждали на флоте.

Глава 1. Морские солдаты.

Дорога запомнилась длиной кормежкой. У всех нас кроме Леши были сумки от провожавших нас родителей. В каждой сумке было соответственно на шестерых (вдруг у других не окажется провожающих). Так что ели каждые два часа. Такого у нас не было полтора года. Чтобы больше суток спать и есть... Командировка продолжала оправдывать наши ожидания. И вот уже зимний пейзаж сменился на осенний. На Украине зеленела травка. В Крыму вообще светило теплое солнышко. Состав мчался по живописной местности, то, ныряя в туннели, то проносясь по равнине. О грядущей службе просто не хотелось думать. Но пункт назначения неумолимо приближался и вот мы уже в Севастополе. Еще немного передвижений и перед нами открылась бухта, набитая военными кораблями.

Мы шли, шли и дошли до корабля без единой пушки или ракеты.

Все надстройки были белые, а корпус шаровый. Над ютом возвышалась площадка с натянутой волейбольной сеткой. Только военно-морской флаг, да бортовой номер - ССВ-590 - свидетельствовали о его военном назначении. Его то мы и искали. Корабль назывался “Крым”. Был он почти 85 метров длины, семь осадки и где-то четырнадцати ширины. Над водой возвышался метра на три до юта, а антенны сияли еще метрах в семи. Ход имел ровный и при попутном ветре делал четырнадцать узлов. Ну а в штиль соответственно не так торопился.

как-никак две с половиной тысячи тонн водоизмещения. Посудина была надежная. При близком знакомстве с оборудованием во время приборки обнаруживались детали с датой изготовления “1968 год”.

Прибытие на корабль прошло буднично. Шесть солдат под командованием капитана и прапорщика выстроились на юте. Дежурный офицер вызвал капитана корабля. Вскоре появился капитан первого ранга. Своим голосом и манерами, да и чем-то неуловимым он напоминал известного героя Конан-Дойля, за что Шура его и окрестил Шерлоком Холмсом. Впрочем, волосы ээпа были с сединой.

- Ну с прибытием. - начал капитан после обычных приветствий. - Так. Помыть в бане, выдать форму, зачислить на довольствие...

- Приписать к постам, расписать наряды... - добавил подошедший офицер.

Так мы познакомились со старпомом. Это был человек средних лет. Без седых волос. На усатом лице запечатлелось мужественное выражение. Как сказал тот же Шура: “Мужественный человек, чье мужество порой переходит в зверство”. Впрочем, со зверством мы так и не столкнулись. Зато от нарядов пришлось всерьез уворачиваться. Главный аргумент был в том, что нас прислали как спецов, а потому мы должны ходить только на посты. Ну и тому подобное.

После определения подразделения для прохождения службы, нас привели в кубрик - выделенная койки и рундуки для личных вещей.

Кубрик состоял из четырех “боксов”: в середине проход, по бокам – койки. Между “боксами” находились столбы и небольшие перегородки. В центре кубрика люк в подволоке для аварийного выскакивания на ют, у выхода шкаф со спас жилетами. Но это было вполне ожидаемо. Зато нашлось и кое-что неожиданное. Прежде всего, койки располагались в три яруса. Первым ярусом служили крышки рундуков (место для личных вещей). Три рундука составляли единое целое и являлись одним спальным местом. Достаточно было расстелить матрас. Но как забавно было искать что-нибудь в рундуке под спящим или самому спать во время поисков.

Второй и третий ярус образовывали нормальные металлические пружинные “матрасы”. Только крепились они одной стороной к столбам, а другая держалась на стальных цепях, спускавшихся с подволока. Для нормального сидения на рундуках верхние койки требовалось поднимать, если на них никто не спал.

К нашему появлению все верхние койки были давно уже заняты, и мы разместились на первом ярусе. Труднее всего до выхода в море было привыкнуть спать под нависающей над головой койкой. Я проверил лично, когда лег на рундуки. Если локоть поставить на матрас, то сжатый кулак упирается в попу лежащего на верхней койке. Так что вертеться пришлось аккуратно, дабы не нарушить покой вышележащего и не спихнуть его. Верхним было попроще. Хотя влезать в пятидесятисантиметровый проем между двумя койками (если третий ярус опущен) тоже искусство. Ведь ненароком можно скинуть со штыря крепежную цепь и упасть - цепей то две и между ними метр сорок по горизонтали. Спешить при тревоге было опасно и поэтому скоростных, как в армии, подъемов и отбоев не практиковалось.

Больше нас порадовали рундуки. Именно тем, что оказались больше армейских тумбочек. У моряков они обычно забиты укладкой со всеми их формами: парадной, тропической и т. п. Мы же имели только свою парадку и

Дальний поход

фуражку. Места они заняли немного и при надлежащем расположении можно было сделать залежи полезных и ценных предметов.

После поселения нас повели одеваться.

Морская одежда произвела впечатление своей простотой. На робе - верхней части - было только две пуговицы для пристегивания гюйса. А отстегивался он только для стирки. Так что одевать и снимать робу было легко. А вот низ, штаны, стало быть, имел не менее четырех

пуговиц. Правда ширинка отсутствовала. Для снятия штанов требовалось расстегнуть боковые разрезы на талии, затем отстегнуть правую и левую внутренние лямки, сходящиеся под пупком и заменяющие ремень и только потом двигать штанины вниз. Это делалось явно не для поноса. Причем во всех видах формы (тропическая, парадная и т. п.) эта сложность была соблюдена. Сразу стал понятен анекдот о пьяном матросе:

Перед сходом на берег боцман наставляет команду.

- Будте сдержаны. В порту свирепствует триппер-горбатик.

По возвращении один из матросов согнут в колесо и жалобно оправдывается.

- Прости, боцман, не сдержался.

- Всяких пропойц видел. Но чтоб гюйс к ширинке пристегивали...

Оказалось, что это не так уж и сложно. Устройство пристегивания лямок штанов и гюйса схожи. И там, и там по две пуговицы. Стоит только нагнуться пониже в темноте и два конца гюйса с петлями покажутся лячками штанов. А дальше дело техники.

Повседневный берет был хорош - крути во все стороны. Но бескозырка парадной формы одежды требовала повышенного внимания. Ее трудно было центрировать без зеркала виду отсутствия видимых примет центра. Ленты на заду слабо помогали. А вот надпись: "Черноморский флот" видна только в зеркале. Но попробуй-ка объясни патрулю, почему она не по центру. Парадные брюки оказались из плотной черной ткани. Они прекрасно защищали от холода, но как приятно в них бродить по Кубе. Впрочем, парадных одеяний нам не дали. Довольствие ограничили повседневной и тропической формами, да еще черные шинель с зимней шапкой дали. Все из ношенного. Пришлось изрядно покопаться, прежде чем нашлись вещички, удовлетворяющие размеру и чистоте. Ремни, ботинки и парадки остались армейские. Это было зрелище, как мы гуляли в увольнении или маршировали по плацу. Шинели черные - флотские, шапки с крабами (морской кокардой), а ремни коричневые со звездой на пряжке вместо якоря. Хорошо еще, что у матросов ботинки похожи на армейские, в

которых мы и прибыли. А то ведь могли поехать на флот в варианте парадной формы с сапогами. Но сапог нет и отлично. Да еще вместо портянок носки. Именно носки для повседневной носки. Их пришлось стирать практически каждый день. Иначе бы кололи на растопку.

Для теплой погоды выдали синего цвета тропичку - тропическую форму - шорты, рубашку и пилотку с козырьком, а для прогулок по кораблю - тапочки.

На каждом левом нагрудном кармане был пришит личный номер бывшего владельца. Его мы естественно отпорол. А своих не пришили. Не давали солдатам личных номеров. Это так же явилось отличием в форме при построениях.

Все полученное богатство мы сложили в рундуки и пошли знакомиться с постами, где нам предстояло нести вахту во время дальнего похода.

Собственно, из-за них то нас и командировали. Посты располагались ниже ватерлинии ближе к носу судна. К ним приходилось спускаться по нескольким трапам. Местечко нам понравилось. Система была боксовая. Каждый бокс на два человека. Удобные стальные кресла-вращалки. Техника, видом и весом напоминающая о старых добрых богатырских временах. Столы широкие, ящики и шхерки (потаенные места) вместительные.

Старший лейтенант нас сразу же проинструктировал о действиях во время учебной боевой тревоги.

- По вводной “Пожар на посту” Киржацких несет законечник брандспойта, Поляков с Острцовым раскатывают шланг, Герасимов несет огнетушитель, Гушин звонит по телефону, а Ястребов отключает электроприборы и пытается командовать. Пытается, потому как во время учений команды звучат смешно, а во время пожара - говорить некогда. Ясно?

- Так точно.

- Тогда изобразили.

Началась кутерьма.

- Леша! Тащи огнетушитель.

- А где его взять?

- Тебе же показали.

- Да нет его там.

- Ну так найди...

И Леша исчез. Влад, продолжая выкрикивать приказы, начал выключать аппаратуру. Я с Шуриком подошли к пожарному рукаву (шлангу) и стали его разматывать.

- Шура, ты нашел конец?

- Нет, Илюш, я и штаны-то еще не расстегнул.

- Блин. Узел.

- На чем?!!

Я молча протянул Шурику запутавшиеся между собой кольца брезентового шланга.

- Ты зачем это сделал?

- Да не я это, Илюш. До меня постарались.

- Давай распутывать.

Дальний поход

Мы растянули шланг поперек прохода. Ну ктож знал, что по проходу бежал Сергей к телефону. Опаньки, попался!

- Серег, - сказал Шурик, - Ты неправильный путь выбрал.

- Так здесь один проход к телефону.

- Все-равно неправильный.

- А ну вас... - Сергей попробовал перескочить препятствие, но угодил ногой в нераспутанную часть шланга. – Блин, что вы тут устроили?

- Серег, - сказал я, - Тебе ведь звонить надо...

- Ага. Уже бегу.

Сергей направился к аппарату, подволакивая ногу с несколькими метрами шланга. Из мотка со звоном вывалился конец шланга со стыковочным узлом. Шурик немедленно его схватил.

- Мишка! Тащи наконечник!

- Не могу! Он прикрашен к щиту.

- Как?

- Намертво.

Для надежности Михаил дернул изо всех сил наконечник. В пожарном шкафу что-то хрустнуло и на радость всем вывалился топор. Бах! Топор приземлился у ног офицера, подошедшего посмотреть на усилия Миши. Мы с Шуриком кинулись на помощь. Сергей же продолжил путь к телефону. Ха. Шланг то мы из рук не выпустили. Так что Сергею пришлось отложить звонок.

- Илюх! Ты же сам сказал, что я звонить должен.

- Ну так звони.

Шурик начал помогать Мишке отрывать наконечник, а я попытался держать шкаф.

- Миша! Три-четыре.

Хрусть. Из шкафа вывалился багор. Я успел его подхватить.

- Три-четыре!

Хрусть. Из шкафа вывалилось ведро. Бум. Подхватить не успел...

- Ребят. Вы чего? Корабль разбираете? – Влад отвлекся от выключателей.

- Все, я дошел до вертушки! – сказал Сергей.

- Какой вертушки?

С этим вопросом Владик ткнул очередной выключатель и свет на посту погас.

- Блин! Влад, ты...

- А что? В темноте не получается?.. Будем тренироваться!

Свет загорелся.

- Серег, звони!

- Зачем?

Наши препирательства прервал подоспевший Леша с огнетушителем. Он радостно воскликнул и попытался его открыть для тушения окружающих. Но не успел. Поскольку офицер дал ему по..., короче, дал отбой тревоги. Инвентарь пришлось вернуть на место и построиться для дальнейших инструкций.

- Теперь перейдем к действиям по команде “Пробоина в районе постов”. При этой вводной следует обзавестись пластырем, брусом, кувалдой и клиньями. Вот они. - офицер показал расположение перечисленных предметов - брус и кувалда

были внушительных размеров, а вот пластырь оказался металлическим коробом метр двадцать на восемьдесят сантиметров.

- Герасимов с Киржацких закрывают пластырем пробину. Острцов с Поляковым тащат брус и упирают один конец в пластырь, другой в этот столб, а затем вставляют клинья. Ястребов забивает кувалдой клинья до упора. Гуцин продолжает звонить по телефону.

Предупреждаю. По любой учебной тревоге пробина может быть только в одном месте. В любом другом для установки пластыря не хватит места или брус не дотянется. Все ясно?

- Так точно! - мы изготовились действовать.

- Хорошо, - офицер спрятался за постом, где не могло быть пробоин. - Начали.

Здесь мы действовали более слаженно. Влад схватил кувалду и попытался изобразить Зигфрида. Неудачно - чуть не убил Серегу поспешившего к телефону. Мишка с Лешкой, бойко ругаясь, приставили пластырь, наша пара засунула брус, куда надо, вставила между столбом и брусом клинья, и все спрятались. Ибо Владик вторично размахнулся своей железкой. На этот раз он попал. Корабль вздрогнул.

- Отбой! - весело скомандовал старлей.

На том первое посещение постов и закончилось. Наступило время обеда. Мы пошли к матросской столовой. И там нас ждал очередной сюрприз.

В столовой мест не хватило! В принципе. Корабль большой, а мест нет. Задачу решили быстро и легко. Нам приготовили складной столик в коридоре. На нем как раз было места на шестерых. Расположили стол у матросской столовой, почти напротив выхода из нашего кубрика. Идущие на кормежку теперь всегда могли узнать, чем радуется камбуз. К столу полагалось две лавки (то же складные). Все это размещалось в небольшом углублении. Углубление это было не простое. В нем висело снаряжение для тушения пожара: лопата, конус-ведро и тридцатилитровый огнетушитель со шлангом и наконечником. Этот огнетушитель во время кормежки напоминал о пивной. Так и представлялось как Владик, сидящий под баком, берет наконечник, открывает краник и разливает брагу.

Береговой рацион не сильно отличался от привычного солдатского. Вот только приемов пищи вместо трех раз в день – было четыре: завтрак, обед, ужин, вечерний чай. Впрочем, тут уже надо коснуться распорядка дня.

Начиналось все с команды, передаваемой по Громко Говорящей Связи (далее ГГС): “Подъем!”. Полторы минуты после утренней побудки давалось для построения на юте на зарядку. За это время нужно было вылезти из койки, надеть штаны, робу, ботинки и подняться на ют. Когда славные матросики, да и мы в придачу, собирались, дежурный по зарядке давал командочку о начале упражнений. Обычно при этом из громкоговорителя неслась веселая мелодия, и голос из радиорубки давал указания по смене упражнений. Потом всем желали приятного дня, и зарядка заканчивалась. Можно было пойти умыться и подготовиться к завтраку.

Дальний поход

Правда, иногда зарядку пытались проводить на суше. Это было намного опаснее и веселее. Мало того, что необходимо покидать корабль большой толпой по узкому трапу. Так ведь после упражнений на месте вдоль причалов устраивался бег. При этом бегали команды всех кораблей. Толчая стояла большая и трудно было избежать столкновений. Соответственно кто-то мог упасть или просто остановиться. Основная масса при этом убегала. Если отставший сразу не догонял, то ему оставалось только блуждать по причалу, ожидая возвращения товарищей или в поисках своего судна. Таких несчастных накапливалось к концу пробежки изрядное количество. Они хмуро стояли посреди бегающих экипажей. Нам не хотелось присоединиться к ним, и мы из толпы не вылезали до возвращения на “Крым”.

Впрочем, действия на зарядке не относились к дежурному подразделению по чистке картошки. Чистильщики после подъема шли в овощехранилище и приносили в коридор положенное количество корнеплодов. Затем брались за ножи. Тут у кого какой нож был. Своим чистилось легче, нож из столовой был гораздо неудобнее и тупее. Если же в этот день был чей-то день рождения, то в отдельный лагун (котел) чищенная картошка резалась для зажаривания к столу именинника с сослуживцами.

С ножами, кстати, вышел первый казус, замеченный нами, от мичмана зав. нач. прод. обеспечения Тютюника. Он радел об экономии картошки. Ему крайне жалко было того слоя, который срезался вместе с кожурой. Он решил сделать “хорошие ножи”. Откуда-то появились стальные полосы. Из них нарезали ножи и заточили. Получилось нечто. Это, конечно, были ножи. Шириной пять сантиметров, длиной пятнадцать. Зато в толщину лезвие достигало трех миллиметров. И сталь естественно была низкого качества. Явно не для холодного оружия. Пока ножи были острые, ими можно было чистить картошку. Даже экономно получалось. Но скоро ножи затупились и из-под рук матросиков вылетали еще более толстые очистки. Мичман пытался наладить их постоянную заточку. Но точить их требовалось практически после каждой чистки. Вскоре все потихоньку вернулось к прежнему варианту с разнообразием ножей.

Итак, завтрак. Он проходил по команде. Вначале всех призывали мыть руки. Затем звали в столовую. Впрочем: “Команде руки мыть” звучало перед каждым приемом пищи. Это было, как у павловских собачек: “Желудочный сок выделять”. Береговой завтрак состоял из какой-нибудь каши с набором: хлеб, сахар, масло, чай. По выходным полагалось каждому бойцу по яйцу. После завтрака обычно были часы учебы. Политической, боевой и строевой.

Строевая подготовка - основа любой воинской части. Корабль — это воинская часть. Вот мы и занялись по плану занятий строевой подготовкой. Это восторг маршировать в ботинках, входящих в парадную форму одежды. Особенно привыкнув к сапогам. Наша бравая команда солдат под руководством несравненного Владика четко отрабатывала команду “вольно”. На большее в ботинках посягнуть невозможно. Ни четкого хлопка при постановке ноги на асфальт, ни вида, ни мощи.

Да и плац оказался замечательный. Собственно говоря, это была площадка причала, по которой к кораблям подъезжали машины, ходили люди. От всех приходилось уворачиваться. Ведь люди тоже могли быть тяжело нагруженные

(баллоном с газом или звездами на погонах). Вокруг стояли различные склады и заборы. Самым притягательным строением был киоск, где продавали выпечку. Это обстоятельство привлекало срочников к нелюбимому виду занятий. В ходе строевой все отдельно марширующие команды старались подтянуться поближе к киоску на момент его открытия. Мы представляли самое малочисленное отделение, а потому и самое мобильное. На нас мало обращали внимания и к концу строевой Влад выстраивал нас у торгового окошка для отработки выхода из строя и других упражнений на месте.

После открытия киоска и закупки сладостей строевая продолжалась. С сумками и пакетами естественно. В конце строевой вся команда корабля собиралась в одну коробку (пакеты передавались во внутренние шеренги) и празднично-товарным маршем проходила мимо дежурного офицера. Преданность желудку светилась в глазах матросов. После возвращения на корабль радостное чавканье оповещало об удачно проведенном занятии. А там уже и до обеда было недалеко. А после обеда адмиральский час - положенный послеобеденный отдых. Далее либо учеба, либо работа до ужина в пять часов. Опосля свободное время до вечернего чая, вечерняя поверка и отбой. В это самое свободное время, а также и в другое свободное же время мы пытались заниматься физическими упражнениями.

На самом корабле было множество приспособлений для занятий спортом. Турник располагался на юте, справа по-борту. А выше, как я уже писал, волейбольная площадка. Ее специально сварили из стальных листов уже после начала эксплуатации судна. На этой площадке, кроме волейбольной сетки, располагались металлические предметы для занятия тяжелой атлетикой. Да и окрестности с нее обозреть было удобнее. Зарядку, правда, на площадке не проводили, ограничиваясь ютом.

Перед вечерней поверкой проводилась вечерняя приборка. Начинаясь она командой по кораблю. Затем ответственные офицеры и мичмана направляли действия личного состава. Над нашей командой, входящей в состав соответствующего подразделения, шефствовал мичман Зотович. Для начала он должен был открыть ящик, который все называли "кранец". В нем хранился инвентарь для приборки.

- Кранец! Открываем кранец! - стандартно начинал мичман.
- А ключ у кого? - стандартно отвечал старшина Марков.
- Где ключ? - начинал суетиться мичман.

Дальний поход

- Надо искать, товарищ мичман. - выдвигал идею кто-нибудь из матросов.
- Да без тебя знаю. - говорил мичман. - Кому я отдавал ключ?
- Ему! - сразу трое матросов показывали одновременно друг на друга.
- Да ты что, - сразу начинал спор один из них, - я его тебе отдал.
- Это ты позавчера отдал...
- Кранец давай... открывай, - вмешивался Зотович. - Марков!
- Я здесь, товарищ мичман!
- Вижу... Я помню тебе отдавал ключ. Ты у меня ответственный. Так что давай кранец открывай.
- Да что вы, товарищ мичман. Я вчера больной был. Не мне вы ключ отдавали.
- Ну да. Как за ужином есть так ты первый...

Так просто проходила первая часть приборки. Затем волшебным образом ключ оказывался в замке, кранец открывался, и начиналась собственно приборка. Солдаты шли драить медные детали. Деталей было немного. А потому мы менялись местами каждые пять минут, чтобы создать видимость активных действий. Остальная толпа матросов занималась подметанием юта. В принципе один человек мог управиться со всем подметанием минут за десять. Десять же человек за более долгое время с трудом справлялись с такой сложной задачей. Мичман Зотович ходил по юту и следил за количеством сделанной работы, ну делал вид, что тоже занят. И все это шло без суеты, размеренно и бодро. Ну и естественно, что к команде окончить приборку и приготовиться к построению все собирались у пресловутого кранца. Инвентарь прятался, кранец запирался, а ключ отдавался. Кому? Ну, этого никто не знал, хотя все слышали.

- Так, Марков, вот тебе ключ и чтоб завтра без фокусов.
- Да вы, товарищ мичман, лучше его у себя оставьте. Или привяжите к кранцу. А то вдруг со мной что случится или ограбят меня...
- Нечего разговаривать вот ключ и все...

Мичман понимал, что занять двадцать человек в течение двадцати минут на деле, с которым справятся двое за десять минут, непросто. И, скорее всего развал дисциплины будет при этом большим, нежели при споре вокруг кранца.

Проверка проходила быстро. Десяток на берегу, десяток на вахте, десяток “сами знаете где” остальные на юте.

Описанный выше распорядок вполне нас устраивал. Естественно только до конца срока службы. Самым приятным была возможность схода на берег для ознакомления с достопримечательностями города.

Глава 2. Севастополь.

Севастополь оказался холмистым городом. Да еще с бухтами: Южной и Северной.

У входа в бухты Севастополя стоит памятник “Затопленным кораблям”. В 1884 году русскому командованию пришлось пойти на такой шаг, чтобы сдерживать врага, не пустить вражеские корабли к Севастополю и предотвратить высадку десанта.

А через пролив расположен бастион, контролирующий проход в бухту для кораблей.

Благодаря бухтам длина прогулок увеличивалась. Порой пройти до места, находящегося в километре было очень непросто. Хотя сами прогулки поначалу были интересными. Забавно пройти по ровной улице, застроенной многоэтажными зданиями, и выйти на склон холма, облепленный белыми сельскими домиками. Погода стояла достаточно теплая. Гуляли мы, конечно, в шинелях. Но снега не было и в помине. Кое-где еще зеленела трава. Деревья, правда, стояли без листьев. Так что полной красоты мы не увидели. Сопровождающие нас мичмана рассказывали, как замечательно в Севастополе весной и летом. Учитывая намечающееся на май возвращение, мы могли рассчитывать на то, чтобы увидеть эту красоту. Пока же довольствовались малым. Самодеятельности в наших увольнениях в город не было.

В морском городе матросские патрули к солдатам относились с особым вниманием. Как и солдатские патрули к матросам. Во избежание недоразумений нам всегда выделяли мичмана, который знакомил с городом и “следил за порядком” - не давал нас в обиду. При необходимости мы передвигались строем в колонну по два и даже могли пройти строевым шагом.

Первой экскурсией стало посещение панорамы “Оборона Севастополя”. Этот музей повествовал о событиях девятнадцатого века. В 1854-55 годах во время Крымской войны русские войска под командованием вице-адмирала Корнилова В. А., а после его гибели - вице-адмирала Нахимова П. С. 349 дней обороняли Севастополь от войск Франции, Великобритании, Турции и Сардинии. Были там и личные вещи Толстого Л. Н. и оружие тех лет. За стеклом стояли чучела униформ и военных форм, сохранившихся достаточно хорошо. Основой же экспозиции являлось круговое полотно с изображением одного из самых серьезных штурмов бастионов. Между картиной и площадкой зрителей располагались прекрасно воссозданные участки этих самых бастионов. Стояли муляжи орудий, крыши землянок, лежали мешки с песком. Есть и несколько фигур солдат и матросов. Все это незаметно переходило в картину и создавалось впечатление объема. Можно было при желании почувствовать себя на поле боя. Вот Нахимов отдает свои приказания, а здесь хирург Пирогов организует сортировку и помощь раненым. Правда нет звуков выстрелов и грохота обстрела, не говоря уже о других ощущениях. Но в целом очень интересно и поучительно. В смысле, что нельзя доводить разрешение вопросов до войны. Убитым все равно кто победил.

В следующий раз мы побывали в диораме “Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года”. Впечатление от нее несколько другие. В “Панораме...” все старинное, события, хоть и тяжелые, но развиваются неторопливо. Здесь же четко показана ярость отражения атаки фашистских захватчиков. Все силы брошены в едином порыве. Черные мундиры и белые робы на фоне взрывов.

Затем мы бродили по местам боевой славы. Отдали дань памяти погибшим при обороне Севастополя. На Малаховом кургане много памятников героям. Здесь были смертельно ранены вице-адмиралы Корнилов В. А. и Нахимов П. С. Господствующая высота во время войн обильно поливалась кровью.

Посетив наиболее памятные места, мы занялись просмотром кинофильмов. Но это скоро наскучило, поскольку интересных картин не было. Обещали в одном кинотеатре показать “Новых амазонок”. Но только после Нового года. А к этому времени мы планировали уже быть на пути к Кубе.

Глава 3. Эх раз, еще раз...

Наступил день выхода на боевой дежурство. По такому случаю выпал первый снег, и проведена большая приборка. Пока убирали выпавший снег повалил новый. Пришлось его срочно смывать с юта. Но снег все шел. Так и дождались прибытия адмирала.

Всю команду построили на юте и стали встречать адмирала, приехавшего отдать официально приказ о дальнем походе.

Начало было как всегда радостное. Адмирал всех поздравил с выходом на охрану границ Родины (у территориальных вод США это нам часто вспоминалось), дал наказ крепить дисциплину и убыл. Провожающие покричали еще немного. Затем мы отдали концы и под ликующие крики чаек, подались из бухты. Из трубы валил дым, море пенилось за кормой, даже светило солнце. Весело прошли бастион и направились к Босфору.

Вскоре была дана команда на обед. Первый обед по рациону морского похода, да еще и с праздничным настроением. Суп, курица с картошкой, винегрет, соленые огурцы с горошком и компот. Замечательно.

Но чем дальше уходил севастопольский берег, тем интереснее ощущения пробуждались у нас. Это были воспоминания об обеде. Слов нет, обед был славный. Курочка, салатик... Солдатский рацион начинал казаться кошмаром. Но... Обед радовал лишь до солидных волн. Ну до трехбалльного волнения. Бывалым морякам такое за рябь на воде сойдет, а нам и этого хватило.

Что может сравниться с морской болезнью? Наверное, похмелье. Такое затянувшееся на несколько дней похмелье. Еще на суше нам советовали: “Когда будет укачивать вставляйте по центру юта и держите на вытянутой руке спичечный коробок”. А на вопрос зачем отвечали, что борт близко и проще облегчиться.

Лучшая профилактика этой болезни - не ходить по морям. Тем более по Черному, тем более зимой. Потому как зимой это не море, а лужа для ветров. Волны гуляют от берега до берега и набирают силу. Конечно, я никогда не был в “ревущих сороковых” (широтах). Но и Черного моря мне хватило.

За каких-то полчаса внимание переключилось с окружающего мира на внутренний. Этот мир настойчиво просился наружу. Первым не выдержал Леша. Он вышел подышать на палубу и не вернулся. На боевой пост, разумеется. Сопровождавший его Влад передал нам последние слова Леши перед укладыванием на койку. Но его мало кто слушал, а тем более запомнил. Вскоре на койках оказались все, свободные от вахты. На койке мне не понравилось. Лежа укачивало сильнее, и я пошел развезаться.

Я помню, как сидел, ожидая ужин в матросской столовой и сосредоточено крутил головоломку - “Украинскую пирамидку”. Скоро должно было начаться мое первое дежурство в море. Ко мне заглянул наш капитан Зотов. Мы

поговорили о способах борьбы с морской болезнью. Он пожаловался на жучка за височной костью, я на невесомость в животе, и мы разошлись.

На вечернюю смену пошли я и Леша. Он шел бодро и весело, неплохо заправившись за ужином. После сна Леша казался невосприимчивым к качке. Вместе с остальными мы вошли в отсек с дежурным по Боевому Дежурству (БД). Он стоял у стола с картой. Его вид внушал трепет. Это был капитан-лейтенант, один из переводчиков. Роста он был невысокого, но довольно толст, даже округл. Большая голова сияла бритой кожей, глаза горели. Его напарник видом был подстать шефу. Тоже переводчик, званием пониже - старлей, но ростом повыше. Он стоял в глубине, сияя круглыми глазами.

- Боже! Машинки для убийства. - прошептал Леша.

Его слова как никогда были далеки от истины. Но прозвище осталось. Уж больно кошмарными созданиями они нам показались вначале. Потом то мы с ними подружились. Правда, когда они быстро ходили по кораблю, создавалось впечатление, что внутри них крутятся и щелкают шестеренки. А может это казалось из-за прозвища?

- Вечер добрый. - сказал старший машинка. - Мы приближаемся к Босфору.

Он погладил лысину - обычай брить голову перед проходом Босфора для дальнего похода был силен. Многие в тот вечер обрили себе головы.

- Противник не дремлет. Всем наладить оборудование и бдить.

С этим напутствием мы пошли на посты. Море качало с завидным постоянством. Самолеты почти не летали. Зато летали глюки. Леша быстро освоился в нашем закутке и вскоре утратил интерес к окружающему. В течение пары часов он все глубже уходил в себя. Он серел, он зеленел. Потом попросил добро на выход у дежурного по БД. Получил, ушел и пришел. Потом еще раз и еще... В очередной раз он задержался на сорок минут. Вернувшись, он начал сетовать на отсутствие воды в ближайшем - носовом - гальюне и долгий путь до кормового гальюна, где была вода. На вопрос как тридцать метров скорым шагом можно пройти в течение двадцати минут Леша ответил обстоятельно.

- Понимаешь, Поль. Я захожу в ближайший гальюн и кормлю ихтиандра. Выворачиваюсь наизнанку. Но потом хочется умыться и хоть немного запить желчь. А воды в носовом нет. Я иду в кормовой гальюн. Там умываюсь и пью. Иду на пост. А как дохожу, так чувствую потребность заглянуть в носовой гальюн. Сливаю, опять хочется запить, иду на корму ... И по новому кругу... Я так устал ходить по кораблю. Кто бы знал.

Шутка была забавна, но смеяться как-то не хотелось. Я задумался минут на пятнадцать о смысле жизни.

- Дежурный, прошу добро на выход! - голос Леши вывел меня из размышлений.

- Вы еще с предыдущего выхода не вернулись.

- Как это не вернулся? - искренне удивился Леша. - Мне же надо выйти.

Из динамика донеслось хрюканье, и добро было получено.

К приходу ночной смены наша вахта оказалась без бойца. Да и остальные еле сидели на постах. Пришедшие были не лучше. Но это никого не волновало. За всех волновалось море. Я добрал до коечки и свалился. Сил хватило только на

Дальний поход

крепезж штормтрапа - поручня, не дающего свалиться с койки. Потом было уже утро.

Утро было на редкость тихим. Качало, но не укачивало, двигатель не работал. Как оказалось, что-то случилось, и мы ждем буксир. Корабль за носом потащат обратно. Севастополь ожидал десант бритоголовых. Мы же матросами не являлись, а потому растительность на голове оставили. Да и армейская мудрость крепко в нас засела: “Не торопись выполнять приказ - отменят”. Больше всего “радовались” возвращению молодые офицеры и мичмана, успевшие соблюсти традицию.

- Особенно хороши будут машинки для убийства, - веселился Леша.

К следующему утру подошел буксир. Объявили боевую тревогу, и мы пошли на посты. Потом уже нам рассказали, как было интересно швартовочной команде, когда один из стальных канатов лопнул и снес что-то там на носу. Мы этого не видели. Как и ночной буксировки.

И вот мы снова в Севастополе. Те, кто поспешил вычеркнуть нас из списков, тяжело просчитались. Офицеры отправились к семьям. Мы поспешили подать списки на увольнение в город. Проблем с этим не возникло и чуть ли не на следующий день наш отряд получил добро на выход.

Мы сошли с корабля. С суши явно творилось неладное. Ощутимо качало. Ноги вне зависимости от реальности старались противостоять морским валам. Да и весь вестибулярный аппарат был настроен на борьбу со стихией. Земля уходила из-под ног. Особенно это ощутилось на вершине холма, куда мы поднялись во время прогулки к остановке троллейбуса. Все периодически делали шаг в сторону для поддержания равновесия.

Это увольнение, как и несколько последующих, мы посвящали посещению кафешек для улучшения питания. Главные достопримечательности мы уже осмотрели, да и время для схода на берег было вечернее. В кино особо не тянуло - названия фильмов не привлекали. Правда на одной афише красовалась реклама “Новых амазонок”. Но как назло прокат начинался через несколько дней после предполагаемого отплытия.

Ремонт закончили быстро, и корабль повели на ходовые испытания. Опять прошли мимо бастиона и памятника. Выход в море проходил под ухудшающуюся погоду и усиливающийся ветер. В море начался шторм. Качка усиливалась. На палубу выходить не хотелось. Вскоре выход из помещений запретили. Вечернюю поверку на юте отменили. Провели переключку по кубрикам. Корабль ритмично поднимался и опускался под шум мотора. Вдруг звук двигателя затих.

Тут же раздалась команда: “Задраить люки, крепить оборудование. Корабль ложится в дрейф”. И все словили кайф. Как потом выяснилось, погнулся вал винта. Попробуйте согнуть обычный гвоздь сотку, и вы поймете, что значит погнуть стальную болванку диаметром сантиметров тридцать. Но нас тогда это мало заботило. Меня волновал ужин.

Мы с Лешой шли с поста к столу. Леша уже был зеленый и сразу повалился на коечку. Я же решил проявить героизм и поесть. Для начала надо было поймать тарелку и отыскать вилку, что мне довольно скоро удалось. Котлета

доставила несравненно больше хлопот, поскольку ее надо было еще и съесть. (Попробуйте как-нибудь съесть ее, качаясь на качелях.) Я смело бросился вдогонку за ней по столу. Но очередной крен корабля бросил меня на стол, и я промахнулся. Обнимая стол, я следил за проезжающей мимо плоской с вожделенными котлетами. Они ехали к краю, намереваясь упасть и испачкаться. К счастью я обладал достаточной реакцией, и котлеты прочно заняли место в моем желудке. И тут я обнаружил отсутствие чайника. Не то чтобы я жить не мог без "морковного" чая, но пить после трех котлет хотелось основательно. Я поднял голову в поисках дневального по столовой. Мимо меня проплывали сумрачные тени матросов. Освещение было достаточно тусклым для создания интима. Видимо поэтому дневальный отсутствовал.

Для удовлетворения потребности в чае мне пришлось подняться на камбуз. Зрелище, увиденное мною, заставило прослезиться. Один из коков варил овощи для винегрета. Здоровый бак на 30 литров прыгал по плите, разбрасывая морковку и свеклу и, обдавая брызгами всякого, кто приближался. Кок, элегантно ругаясь, пытался удерживать бак мешальным веслом, одновременно собирая разбежавшиеся овощи. При этом его немилосердно бросало то на горячую плиту, то на суеящихся рядом товарищей. Другой кок стоял у вожделенного бака с чаем. Он разливал чай. Нет, он не имел ничего против, чтобы упасть при этом в подставляемые чайники, но гравитация была сильнее. Половник был большой и тяжелый и вел себя несколько независимо. Приблизиться к нему было опасно. Он мог и окатить горячим чаем, и наподдать для скорого выхода. Но мужественные матросы упорно подставляли чайники. По ним же и получали. Наконец один из чаеразносчиков из офицерской столовой решил, что получил достаточно и отправился на выход. Этого и дождалась Большая волна. Она пришла как всегда неожиданно и наклонила корабль под большим углом, чем раньше. Не ожидавший подвоха матрос бодрым шагом, но спиной вперед направился на выход. Волна помогла дойти быстрее. Короче он просвистел мимо радостной толпы в раскрытый люк, попытался задержаться, раздвинув руки в стороны (а в каждой было по чайнику с кипятком), но не сумел. Руки сделали хлопающее движение, и Лешой исчез в коридоре. Из коридора раздались крики обваренных. Кок не растерялся и быстро вернул всеобщее внимание к себе, обрушив в бак с чаем полку со специями, рассказав попутно как он любит всех подряд. На сцену выбежал мичман - дежурный по столовой. Прокричал неразборчиво и уронил бутылку с подсолнечным маслом на пол. При следующем крене он ускакал обратно. Но масло было пролито. Оно растеклось и затекло под ноги коку, резавшему мясо или жир. Неважно, что он резал. Главное у него был Большой нож. И он (кок) начал скользить по палубе, размахивая ножом и всячески стараясь не упасть. На танец с саблями это походило мало, но присутствующие не жаловались на отсутствие реализма. Особенно мичман, вновь появившийся на виду. Мичман качнулся назад от острого предмета, а лагун (бак) с мясом подъехал по маслу вперед и с чувством собственной весомости подал ему под колени. Мичман мгновенно очутился в баке и начал разезжать по воле волн вокруг фехтовальщика.

Дальний поход

Качка усиливалась. И вот уже лагун с овощами вырвался из-под контроля. А кок начал размахивать веслом, пытаясь его поймать. Вошло еще несколько человек с чайниками. Похоже им хотелось чая. Но не долго. Как только они наступили на разлитое масло, они забыли о чае. Они начали плясать джигу. Непонятно, как только у них хватило сил так ругаться. Я помог нескольким матросам вытащить из лагуна мичмана. Это нам удалось. Мичман отдал приказание прекратить бардак и упал в объятия разливающего спецчай (перченый и круто посоленный). Кипяточек подогрел воображение мичмана, и он разразился настоящей речью, описывая происходящее в ярких красках народного фольклора. Он был знаком со всеми присутствующими, всеми ветрами и продуктами. Причем интим был на первом месте. Я осмотрелся. Кто-то плясал, кто-то стонал... Я почувствовал себя лишним. К тому же в люк заглядывали все новые искатели приключений. Я вышел.

Попив соленого чайку, я забрался на койку и погрузился в сон.

Утро началось тихо. Я вышел на палубу. Шторм кончился, и наша посудина мирно плескалась в молочном тумане. Периодически раздавался рев сирены - сигнал "Поберегись". Еще вчера вид воды навевал ужас. Сейчас же она ласково омывала серые бока "Крыма". Туман струился над палубой, подгоняемый легким ветерком. Но ветер не мог его полностью разогнать. В разрывах тумана изредка мелькал еще один военный корабль.

Ко мне присоединились Влад и Сергей. Они поведали о боевом дежурстве во время шторма. На постах, как оказалось, событий то же хватало. Для начала всех сильно замутило. Потом, при усилении качки, появилось первое развлечение. Операторские кресла превратились в кресла-качалки и кресла-возилки. Так раскачиваясь и обалдевая, мои друзья дождались пяти баллов. И не только они. Аппаратура ждала этого еще больше, а уж команду о дрейфе восприняла как сигнал к атаке.

Первыми не выдержали магнитофоны. Они мягко выехали из пазов и попытались стукнуть моих друзей в спину. Поскольку те опрометчиво сидели, отвернувшись от постов. К счастью Влад откатился не слишком далеко, и магнитофон сумел только ткнуться в кресло. У Сергея же была хорошая реакция. Они успели закрепить свои магнитофоны на столах как раз к моменту пробуждения магнитофона, стоящего на высокой полке, над постом с мичманом. Скрипнуло громко, качнуло в одну сторону, в другую и аппарат в пуд весом рухнул вниз. К счастью кресло мичмана тоже приняло участие в общем движении по воле волн. Оно наклонилось, и магнитофон задел только спинку. Основной вес приняла на себя палуба. Железо выдержало, только загудело. Магнитофон при этом не пострадал. Все, что могло с него слететь, уже лет десять как слетело. А остальное держалось на совесть. Из крепкого металла делают военную технику.

- Вот так мы и развлекались. - комментировал рассказ Влад. - Что падает, то и крепим.

- Да, помнишь, кувалда пропала. - сказал Сергей.

- Ну.

- Так вот нашлась!

- Ага, - сказал Влад. - В самый разгар веселья выехала откуда-то и начала гонять между постами. А ловить ее никто не хочет. Все хотят в туалет.

Владик сделал характерный жест, показывающий для удовлетворения какой именно потребности, требовался туалет. Серега продолжил повествование.

- Так что мутит, болтает, аппаратура норовит убежать, кувалда то вылезет, то спрячется. И тут звонит телефон. А птиц толкает и требует взять трубку. Меня, старого ефра.

- Ну ничего себе. Ты сам пошел.

- И дошел? - поинтересовался я.

- Ну да. – усмехнулся Влад. - При первом же крене улетел в соседний бокс. Я только вижу вот он идет, шатаясь, потом топот и грохот. И все. Нет ефра. А у вас как было?

Я рассказал о добыче чая. В конце повествования меня прервали.

- Ну что, солдатики, дембель в августе? - раздался сзади веселых басок Шурика.

- Блин, Шура, ты так больше не пугай. - Владик охарактеризовал общую реакцию.

- А, что. - сказал Сергей. - Щас опять в Севастополь. “Новых амазонок” посмотрим.

На этот раз ремонт затянулся. Вал искали чуть ли не в Москве. Предсказание Шуры сбывалось со всей трагичностью. Культпоходы вскоре наскучили. У нас, кроме Алексея, в голове вертелось одно - дембель откладывается. Это стало темой нескольких бесед и кучи шуток. Беседы были о том, что делать для приближения дембеля. Решались даже вернуться в часть или послать гонца. Но сотрясения воздуха без приказа ничего никогда не дают. Даже поездка нашего капитана (не путать с кэпом) ничего не дала. Идем в поход и точка. Что же касается шуток... Больше всех переживал по поводу задержки Мишка. И шутки по этому поводу проходили так. Лежа на койке в кубрике, стоя на палубе или сидя еще где-нибудь Влад начинал, завидя подходящего Михаила.

- Серег!

- Ну?

- Как там дембель?

- Аа... Не, не будет.

Мишу это нервировало, и он встревал.

- Хватит каркать. Надоели...

- Да, ладно, Мих. Дембель в августе. Так классно. Приедешь к урожаю. Груш с арбузами поешь.

- Сам жди августа. А я хочу в мае. По закону положено.

- На то, что положено кое-что положено. Серег!!!

- Ну... Ааа... Не, не будет!

Мишка обижался. Хотя на что собственно? Этот ответ относился к пятерым. Для Лешы все было без разницы. На корабле его никто не допекал, как мало прослужившего. Чувствовал себя он превосходно и даже обнаружил в офицерской кают-компании пианино (фоно). К нему Лешу поначалу не допустили – и так наполовину сломано. Но Леша его отреставрировал -

Дальний поход

приладил педали из найденных железяк и настроил музыкальный инструмент. Затем он начал тренировать пальцы. Вообще-то Леша был немного раздолбаем. Но за клавишами он преобразился. Чувствовалось, что играет он с трех лет.

- Леша, - спросил я. - А фантазию-экспромт можешь?

- Это что-ли. - Леша обернулся ко мне и заиграл знакомую мелодию Шопена.

- Ага... - меня потрясло, что этот разгильдяй почти вслепую играет такое сложное произведение.

Вскоре уже отмечали Новый год. Леша естественно забачал классику на фоне, был праздничный ужин... А наутро служба продолжилась. Дембель уходил в неизвестность. Корабль же стоял у причала. Нам, правда, объясняли, что в Подмоскowie жуткие морозы, что служба в эту зиму не из легких. В Севастополе это не ощущалось. Зато цифирь (срок в днях до дембеля) откровенно росла. И все из-за поисков гребаного вала.

Пока шло ожидание ремонта, мы ходили на “Новых амазонок”. Это хоть как-то компенсировало возможное отдаление дембеля. Фильм действительно оказался классным. Веселая польская комедия порадовала. Смеялись от души и один раз даже поаплодировали. Когда один из двух последних мужиков на Земле произносил речь в защиту мужчин.

Но нашли, доставили и поставили. Выхода в море для ходовых испытаний проводить не стали. Корабль просто погоняли в бухте. Очередной выход на задание прошел буднично. Без громких речей и фейерверков. Это случилось 29 января 1987 года.

Побродив по Черному морю, 30 января повернули к Босфору. 31 января пролив был уже в пределах досягаемости. По такому случаю в матросской столовой прошло собрание. Кэп сказал немного о соблюдении правил и занял место в президиуме. Замполит был более многословен.

- Предупреждаю. Бывали случаи несанкционированного схода с корабля в проливе. Это добром не закончилось. Так что попрошу особо не суетиться.

Затем нам рассказали немного о самом Босфоре. Пролив достаточно мелок - наименьшая глубина на фарватере 20 метров. Длина его 30 километров, средняя ширина 2 километра. Есть в нем подводные течения. На одной глубине вода течет из Черного моря, на другой обратно.

“Крым” провел ночь в дрейфе в ожидании очереди на проход. Все механизмы работали. Мы исправно ходили на посты. Но для прохождения Босфорского пролива наш солдатский капитан выпросил добро для просмотра со спортивной площадки. По такому случаю мы почистили черные матросские шинели и шапки и надраили пряжки армейских ремней. В таком виде мы в полном составе отправились на ознакомление со знаменитым проливом.

Сам проход я изложу по своему дневнику.

Глава 4. БОСФОР

1 февраля. В 11:00 вышли из дрейфа и пошли к Босфору. На гроте подняли флаг Турции - значит уже в территориальных водах. Погода плохая, хорошо хоть без дождя. Пролив медленно вырисовывается из тумана и облаков. Сперва проявляются очертания гор. Ближе к входу становятся различимы маяки. У входа два мощных камня справа по борту. “О скалы грозные дробятся с ревом волны”, хотя мы и на Юге. Рева не слышно, но видно, как высоко взлетают пенные брызги.

14:00. Вошли в пролив.

Горы (холмы) в тумане. Вблизи же видно достаточно хорошо. Холмы в основном покрыты кустарниками, но есть и деревья. Берег изрезан бухточками, с различными яхтами, лодками и малыми судами. В воде резвятся не только чайки, но и утки. Забавно, утка привычнее смотрится в реке, чем в морском проливе. Впрочем, в Босфор впадает несколько рек. Самая большая - Гексу. Она течет по азиатской земле.

Мимо проходит противолодочный корабль “Новороссийск”. Салют.

Слева по борту первые мечети и минареты. Небольшие. Да и остальные дома невысокие. Окраина Стамбула. Вдоль берега проложено шоссе. В бинокль хорошо видно идущих людей. На самом берегу, частью на сваях стоят разноцветные домики в два - три этажа. Впереди очертания строящегося моста. Жаль, что туман. Хотя кое-что видно прилично. Например, холм с домами и деревьями на верху. Деревья просвечивают и создают интересные переливы. Мимо проскакивает военный турецкий кораблик. Очень даже буднично. Становится больше домов. Они добротнее. Не многоцветны, но выглядят красиво. Похоже здесь хозяева небедные. У некоторых есть лестница прямо к гаражу лодки. Несколько катеров и лодок плавают вдоль берега. А вот и довольно симпатичный синий прогулочный катер пересекает пролив. Зима. По объяснениям офицеров в это время года в проливе мало ходит мелких лодок. Не то, что летом. Многие дома имеют веранды у воды с “видом на пролив”. Появляется сухой док с несколькими судами. И сушатся в нем помимо прочих корабликов два танкера. Здоровенные. На левом (азиатском) берегу не так интересно. Сооружений меньше, да и тумана из-за расстояния больше

Проходим под мостом (строящимся). Вроде как название у него Фатих Султан Мехмет. Забавно. Город живет своей евроазиатской жизнью. Люди ходят по улицам, заходят в кафе. Кафе (или как там у них) различные. Расположены и у самой воды, и выше.

По обоим берегам пролива показались две крепости. Румели Хисары располагается на европейском берегу, Анадолу Хисары - на азиатском. Обе крепости замечательные. Сложены из массивных камней. Мы идем ближе к европейской. По холму от воды поднимается крепостная стена с зубцами. Среди зеленого поля поднимается главная башня. Над ней развивается флаг Турции. Впечатляет настолько, что хочется написать картину.

Дальний поход

На азиатском берегу расположена самая высокая точка Стамбула - гора Чамлыджа (262 м), а под ней красивый дворец Бейлербейи. Дворец разглядеть почти не удалось, как и армейские казармы, находящиеся на том же берегу.

Раздается шум мощного мотора. Наконец то к нам пожаловал “катер ЦРУ”, как, смеясь, называют его моряки. С флагом Турции. Проходит вдоль правого борта и уходит вперед.

На европейском берегу появляются более крупные современные здания района Бебек, видна дорога, перпендикулярно спускающаяся к самой воде с горы. “Кричащей западной рекламы” не видно. Подходим к еще одному мосту. Этот в полном порядке. Размеры впечатляют. Перед мостом в бухте несколько кораблей и пассажирский лайнер с огромной синей надписью “TURKI MARTINILINE”. На мосту автобусы как спичечные коробки, даже когда проходим под мостом. Машин множество - затор есть. Может статься из-за нас. Не всяк же день такая калоша проплывает.

За мостом начинаются наиболее интересная часть Стамбула. И опять же на европейском берегу. Вдали виднеется отель Хилтон. Вдоль берега тянутся стены дворцов, домов и гостиниц. Наиболее роскошен дворец Долмабахчы – резиденция последнего султана. В его окнах отражаются волны Босфора. Он стоит на берегу и поэтому нам лучше всего видно именно его.

Потихоньку подходим к наиболее старой части Стамбула – Эминеню. Бухта Золотой Рог длиною 12,2 километра отделяет древний Константинополь от остального города. Симпатичный Галатский мост связывает части Стамбула. На территории Константинополя много исторических памятников. Вначале в глубине Золотого Рога открывается взору мечеть Сулеймания. В ней обрели вечный покой султан Сулейман и его любимая жена – украинка Роксолана.

По другому борту, тем временем, на азиатской стороне пролива появляется небольшой островок с маяком. Башня Леандора или Киц Кулези. Площадь островка мизерная. Башенка еле-еле вмещается. Место, несомненно, очень романтическое.

За мысом Сарай (европейский берег) начинается дворец Топканы. Когда-то в нем проживало более 50 тысяч человек. Прямо город в городе с банями, мечетями и зоопарком. За ним стоит церковь св. Ирины. А дальше... Дальше на высоту 55 метров возносится храм св. Софии (музей Айя-София). Величайшее творение

византийских зодчих. Диаметр центрального купола 31 метр.

Нетрудно представить, почему император во время молитв считал себя центром вселенной.

Напротив храма св. Софии, с другой стороны площади Ипподрома, стоит не менее великолепная, но не такая древняя, Голубая мечеть султана Ахмета I. Мечеть очень похожа на храм. Издалека и при не ярком освещении их тяжело различить.

Стамбул кончается. Нас встречает “катер ЦРУ” и сопровождает довольно долго, крутясь вокруг. В рубке четверо. Один снимает нас сразу несколькими фотоаппаратами. Кто-то из-за шторок следит. Когда катер заходит с кормы, офицеры на юте выстраиваются перед бочкой для сжигания мусора, закрывая “объект” от съемки.

16:00. Выход из пролива. Берега пролива резко расходятся. Мраморное море очень спокойно. Недалече стоят корабли, ожидая добро на проход пролива. Слева по борту два затонувших корабля. Наверно столкнулись недавно. Спускаемся внутрь “Крыма”.

Глава 5. Средиземка.

Второго февраля прошли Дарданеллы. Посмотреть мне их не удалось - “стоял на вахте”.

Эгейское море бурлит. К счастью ветер в спину. Валы, довольно большие на мой сухопутный взгляд, бьют в корму и подгоняют. Качает слабо. Температура явно повышается.

Третьего февраля на зарядке видели острова. Это Греция, где “все есть”. Или “нет”. Не знаю.

А вот пара военных кораблей прошла мимо под греческими флагами. Офицеры говорят, что построики американской. На вид старые и ржавые.

Цвет воды изменился на темно-голубой с зеленоватым оттенком. В Черном море вода была просто голубая. Настолько тепло, что можно ходить по юте без шинели.

Четвертого вошли в Средиземное море. Созвездия пока знакомые, а вот Месяц уже лежит на боку, превратившись в папирусную лодку.

Ночью интересно стоять на юте и смотреть как за кормой полыхает растревоженный планктон. В детстве я путешествовал на теплоходе из Москвы в Астрахань и обратно. Там за кормой вода была темной и неинтересной. А тут в черной воде, еле освещенной корабельными огнями, мелькали серо-зеленые искры и крупные всполохи. Когда же корабль пересекал плотную массу

Дальний поход

микроскопических существ, винты создавали целую полосу, фосфоресцирующую зеленым пламенем. И так час за часом огни моря отмечали след нашего судна. Вода не терпит постоянства, и след исчезал довольно быстро. Но больше в темноте высматривать было нечего, и взгляд поневоле опускался к живым огням.

В Средиземке я впервые увидел закат, что называется от края до края. Вокруг корабля одно только спокойное море. Штиль. На Западе, где Солнце погружается в волны, небо окрашено в красное. Затем, по пути к Зениту, красное сменяется оранжевым, желтым, зеленым. В зените небо уже голубое с синим, а на Востоке оно уже темно-фиолетовое, с зажигающимися звездами. Вот Солнце исчезает за горизонтом. Полная “радуга” во все небо. Вид изумительный. Горизонт - ровная линия. Обзор на 360 градусов.

Земля вращается, и тьма накатывает с алмазами звезд. Цветной кусочек все меньше и меньше. Еще минут десять, и ночь вступает в свои права. Над кораблем бездна Вселенной. Звезды сияют, Луна просто горит. Да и наша родная Галактика, Млечный путь, видна куда как лучше, чем в Москве. Созвездия выстраиваются как на показ. Немудрено, что греки смогли разделить звезды на группы. Ковш Большой медведицы и Орион, Кассиопея и Близнецы, Лебедь с Лирой и все остальные как в планетарии.

Мы наблюдали подобные закаты несколько раз. Говорят, можно при таких закатах увидеть зеленый луч. Это когда свет Солнца, проходя через воду, раскладывается, и в глаза наблюдателю ударяет его зеленая составляющая. Врать не буду. Никогда подобного не видел.

Итак, мы шли по Средиземке. Кроме погоды и природы здесь оказалось достаточно военных кораблей. Одним из первых я увидел авианосец “Джон Кеннеди”. Нас облетали его самолеты. В основном типа А-6 “Интродер” (штурмовик), правда, на приличном расстоянии. А потом с авианосца сбросили мусор в виде мешков. Несколько штук этих мешков мы выловили. На предмет поиска ценных сведений. Одна из “машинок...” занялась содержимым, а потом на занятии по английскому языку (нам решили такие организовать) поделился впечатлениями.

- Обычные банки. Мусор, ветошь. Вот под новый год как-то выловили на одном “мальше” мешок с куклой. Наряжена мужиком в лаптях, на голове наушники, а в руках антенна. Сами понимаете к чему привязана. Ну, это ерунда. Однажды мне дневничок американского аналога прапорщика принесли. У них же там строго. Если вещь не на месте - ее уборщик в мусорный мешок кидает.

Так вот в этом дневничке много забавного. К примеру, замечательное описание хождения по “большому кругу”. Это они так называют поход по портовым кабакам. А потом запись о дне полетов: “Сегодня в ангаре сработала катапульта. Двоих размазало по подволоку”. Вот такой у них бардак. Только со стороны кажется, что все о-кей.

Мы переглянулись. Действительно бардак.

Ночью этого же дня с “Кеннеди” стартовали самолеты. Шли учения по ночной атаке. Смотрелось со стороны неплохо. Яркие точки взлетали с

темнеющего вдали почти не освещенного корабля. Затем они делали над нами разворот и выходили на ударную позицию. Удары по плавающей мишени смотрелись как всполохи далекой грозы. К счастью никто не пострадал.

Наутро море стало чистым. Авианосец, как нам сказали ушел в Хайфу.

- Красное место эта Хайфа. - сказал, потягиваясь на юте, Витя Дубко.

- А ты там был? - удивился Влад.

- Нет, но в Сирии то был. Там здорово. А в Хайфе должно быть еще лучше.

Им Америка помогает, а Сирии - мы.

- Помню, как в эту самую Хайфу Тютюник чуть не уплыл. - сказал подошедший Марков.

- Чтобы этот раздолбай сбежать решился?! - я был удивлен очень сильно.

- Да не, он не бежать вздумал. - объяснил Витя. - Просто хлопцы, когда в дрейфе корабль лежал недалеко от Хайфы, разыграли его. Дескать, для улучшения рациона ээп распорядился закупить в Хайфе капусты. Все честь по чести сделали. Вроде прямого приказа не передали, но мозги запудрили. Мичман сразу засуетился, отдал приказ спускать шлюпку. Шлюпку спустили, и чуть было совсем не уплыли, да дежурный офицер остановил. Хохоту было...

- Еще бы. Шутка сезона: "В Хайфу за капустой".

6 февраля. Сегодня День рожденья Михаила. Жареная картошка на обед для всех сидящих за столом с именинником, поздравление и песня по корабельной трансляции. Заодно все вино нашей шестерки слили в одну кружку и отдали Мишке. В этот же день сдали шинели. Холода кончились. Заодно и вентиляционную систему на постах продули.

Действительно, потеплело изрядно. В море стало полно живности. По ночам, если "Крым" лежал в дрейфе, в свете прожектора проносились рыбы, охотящиеся за планктоном, а за рыбами - кальмары. Когда я первый раз увидел кальмара в воде, я принял его за палку. Но вдруг эта палка метнулась за мелкой рыбешкой. Скорость действительно оправдывала наличие водомета у мягкотелого моллюска. За первой палкой в кругу света возникла вторая. Они начали плавать на параллельных курсах один за другим, как ведущий с ведомым. Несколько минут сновали туда-сюда, а потом исчезли. Видимо свет привлек большую рыбу.

Охотиться и спасаться в море должно практически любое живое создание. Так уж повелось, что травоядные в воде редкость. Пожалуй, только большая белая акула, да касатки чувствуют себя вольготно. Ну и киты с кашалотами. И то это относится к созданиям более шести метров длины.

Через несколько дней одному мичману удалось поймать маленького кальмара. Вместе с щупальцами он был сантиметров 20-25. Зато глаза три сантиметра в диаметре, "холодные". Эдакий "невидящий" взгляд. Я взял в руку это создание. Кальмар немедленно обвил мои пальцы своими щупальцами и попытался укусить, показав свой клюв. Пришлось посадить обратно в банку. В банке он свернулся клубком, затем распрямился, пустил пару струек "чернил" и попытался выпрыгнуть. Но это ему не удалось. Разгона явно не хватало. Тогда он стал барахтаться в банке. То поднимется, то опустится. Понаблюдав за ним немного, я пошел спать.

Меж тем на Кубу нас что-то не торопились направлять. Ситуация объяснялась обстановкой в Ливане. По сообщениям в Бейруте похитили кучу заложников. Среди них много американцев. США естественно двинуло свои силы на спасение и устрашение. СССР то же решил поучаствовать. Наш “Крым”, хоть и был практически безоружный, мог пригодиться. Так решило командование. Вот только маршрут передвижения уточняло каждый день. На одном из собраний замполит так и сказал.

- Болтаемся мы тут, как... что-то в проруби. Скоро все запасы съедем.

Для снижения агрессивности командование корабля организовало соревнования. Командные. Упражнений было пять видов: 6 подъемов переворотом на турнике, 100 раз перепрыгнуть через скакалку, 8 раз выжать гирию 24 кг, разобрать-собрать автомат и одеть-снять ОЗК. Поскольку в нашей солдатской команде двое несли вахту, на соревнования вышло четверо. Мне выпало прыгать через веревочку и развлекаться с автоматом, Сергею - наряджаться в Общевоинской Защитный Комплект, Шурику – тягать гирию, а Владик решил замучить турник. Не знаю, как другие, а я, дойдя до двенадцатого прыжка, понял, что допрыгался, но силой воли закончил упражнение и стал ждать возможности схватить автомат. Автомат оказался новой модификации. Раньше мне такого не попадалось. Но и с ним удалось справиться не хуже морячков, которые этот автомат хоть изредка, но держали в руках. Мои друзья то же приложили максимум усилий при прохождении испытаний. В общем ничего смешного не получилось. Мы даже четвертое место заняли.

Напряжение, тем временем, действительно нарастало. Мимо нас в сторону Ливана протопало мощное штатовское десантное соединение из пяти кораблей во главе с вертолетоносцем “Инчон”.

Потом мы увидели эсминец УРО “Дюплекс”. Причем прошел он очень близко. Свободные от вахты

столпились на юте, разглядывая чудище, пенящее воду у нас за кормой. Ну а я запечатлел это событие на пленке. Ночь прошла без происшествий.

Наутро меня задействовали на стирке. Хоть от нарядов по столовой и стойки дневального мы и откосили, но кое-какие бытовые общекорабельные задачи пришлось выполнять. Про приборки и чистку картошки я уже рассказывал. Еще одним развлечением для нас стала прачечная. Поход то автономный, вот на корабле и установили банно-прачечный комплекс. Про мойку-помойку расскажу потом. А вот постирушки стали для нас обязательным нарядом. Но редким.

Рядом с баком расположилось большое помещение. В нем находилась громадная стиральная машина. Больше меня ростом. Только вот стирального порошка у нас не было. Было жидкое мыло. Готовилось оно заранее. В тридцатилитровый лагун строгалось несколько брусков хозяйственного мыла и заливалось водой. Смесь периодически помешивалась до полного разжижения мыльной стружки. За этим приходилось следить особенно тщательно. После загрузки в стиральную машину мыло растворялось слабо и могло застрять в любой части машины или стираемой вещи. Соответственно этот кусок требовалось выковыривать и отмывать все вручную. Стирка и полоскание и производились в автоматическом режиме. А вот отжим осуществляли на отдельном станке с двумя валами. Станок мощный – только успевай подсовывать простыни, да наволочки. Можно и пальцы, сжует и не подавиться. Ну а окончательная сушка – на леерах бака (веревках, натянутых на носовой части корабля).

Я как раз занимался развешиванием стираного белья на баке, когда к нам

пожаловал вертолет с «Дюплекса». Он несколько раз облетал ССВ-590. Услышав объявление о приближающемся вертолете, я помчался в кубрик, достал спрятанный фотик и сделал снимки. Скорость моего появления с фотоаппаратом вызвала множество

шуток о том, как при появлении винтокрыла на юте открывается люк, из него выскакивает Илья с фотоаппаратом, щелкает затвором и скрывается обратно. Те, кто знает в чем дело, не обращают внимания, а остальные просто не в силах разобрать, что же на самом деле произошло. Но как бы то ни было, а фотографии с вертолетом получились.

На брифинге перед ночной вахтой меня разобрала икота. Я боролся, как Мог. Но Мог в тот вечер был никакой.

- Положение у нас... Севернее авианосец «Джон Кеннеди» с сопровождением.

- Ик!

Дальний поход

Все понимающе переглянулись.

- К Бейруту подтягивается десантное соединение из пяти кораблей во главе с вертолетоносцем «Инчхон».

- Ик!

- Террористы обещали в полночь ликвидировать штатовских заложников. А американцы соответственно террористов вместе с тем районом города, где они находятся.

- Ик!

Народ начал тихо посмеиваться.

- Всем бдительно относиться к своим обязанностям!

- Ик!

И мы пошли на посты. На смене было скучновато. В эфире тихо. Радиостанции гнали какие-то мусульманские мелодии. Вдруг моряк Шиманский за своим постом оживился.

- Черт возьми. Переговоры странные. Самолеты. Что-то о коммунистах.

Он побегал за переводчиком - “машинкой для убийства”. Тот пришел, сияя плотной физиономией и сумрачным взглядом. Взял головные телефоны и прослушал запись переговоров. Посидел немного. Мы тем временем послушали запись, включив динамики. Слышалось похожее на: “Вижу надводную цель. Возможно коммунисты. Вызываю звено истребителей”.

- Знаешь, что. - Наконец проснулся машинка. - Сотри-ка лучше это и забудь. Если это о нас, то звать на помощь бесполезно. Никто не поспеет. Но это не о нас.

И укатил на своих шестеренках. Мы остались под впечатлением “звена истребителей”.

- Это все-таки не штурмовики. - сказал один матрос.

- Ну да, - возразил я. - Нам и истребителей хватит. Даже если только на одном будет ракета воздух-вода. Только кто может поймать неуловимого Джона.

- Ты это о чем?

- Ну, его поймать никто не может, потому что он на фиг никому не нужен.

- Это точно. Наша калоша никому не нужна.

- Ну да. - возразил Шиманский. - Нам рассказывали, как однажды “Крым” перехватил передачу атакующих израильских катеров и их накрыли у Бейрута.

- Ну, сейчас особо перехватывать некого. - сказал я. - У штатовцев слишком хорошо кодируют информацию. Не успеешь расшифровать вручную.

- Ничего. Вот как накроют звеном. - продолжил еще один матрос.

Но на него зашикали. На том и успокоились. До утра ничего больше не произошло. А там все забылось. Мы шли дальше. Дальше от Кубы, а заодно и от дембеля. Поскольку поход к США никто не отменял.

За сутки обогнули Кипр и легли в дрейф. По утру оказались в кольце знакомого десантного соединения. Зрелище впечатляющее. Справа по борту красуются “Ньюпорт” и “Спартанберг кантри”, с бронетехникой, слева “Нешвил” и “Уиндон айленд”, а за кормой в тумане виден силуэт “Инчхона” с полутора тысячами десантников на борту и кучей вертолетов. Продрейфовали они так еще с пару часов, и пошли за флагманом на защиту интересов Америки.

Ну и мы за ними. Двенадцать узлов это сила. И тут не очень высоко прошли два бомбардировщика со звездами на крыльях. На душе потеплело. Не одни мы здесь.

Так продолжалось несколько дней. Немного штормило. Погода стояла солнечная. Изредка нас облетали “Интрудеры” и вертолеты. Потом пролетел морской разведчик “Орион” и сбросил буй. Кэп тут же остановил корабль, сделал заход и отдал приказ о поимке буя. Спустили трап почти до воды. Витя Дубко, старший матрос, храбро ступил на балясинки. Внизу его окатило почти по пояс водой, но он удержался и вытащил сачком буй. Событие вызвало всеобщий восторг.

На следующий день нас развлек вертолет с “Дюплекса”. Он еще раз прилетел посмотреть на нас. День стоял превосходный. Легкие тучки на небе, слабый ветерок. Волнение к обеду полностью стихло. Даже рябь исчезла. Тут то он и прилетел. Довольно долго висел в тридцати метрах слева по борту на одной скорости с нами. Мы ему и покричали, и руками помахали. Он в ответ помахал хвостом (и это в пяти метрах над водой), чем вызвал хорошую рябь. Затем взмыл вверх и пронесся над нами, взлетел за кормой метров на сто-пятьдесят, развернулся вокруг оси большого винта и спикировал на нас. Ощущение, скажу вам классное, когда на тебя пикирует большой вертолет. Хорошо если шутит. Но этот шутил. И мы просто поаплодировали в ответ.

А через несколько дней мимо нас на сверхзвуковой скорости пронесся “F-14”. В сине-голубом небе светило солнышко. “Крым” шел со скоростью узлов этак пять. Свободные от вахты прогуливались по юту, проветриваясь после нахождения в помещениях. Вдруг по курсу на высоте метров двести возникла точка и устремилась к нам. За считанные секунды самолет снизился до двадцати метров, пролетел в полукабельтове от нашего корабля и был таков. Рев и грохот жуткий. Он прошел как молния. Я успел только поймать челюсть, как машина скрылась в облаках. Тех, кто стоял у борта смело метра на два.

Но, несмотря на подобные шалости иностранных ВС, становилось скучновато. Когда же на дембель, или хотя бы на Кубу? А потому мы находили и другие развлечения.

Каждый раз на ужин выдавали шоколад. Маленькая плитка с картинкой “Сказки Пушкина А. С.”. На один кусок ее хватало. Для нормального же поедания требовалось больше. А потому желающие копили три-четыре дня. Мишка решил скопить килограмм. По окончании ужина он шел с новой плиткой к рундучку. Доставал пакетик, пересчитывал наличность, любовался богатством, прятал все обратно и довольный ложился отдыхать на свой рундучок. Нас это веселило. А Владик и Сережа втихую начали собирать фантики и так же аккуратно складывать в пакетик. И вот как-то вечером они достали мишкино сокровище и взамен положили свое. Затем приятели улеглись на коечках и стали ждать. Мишка тем временем закончил ужинать и радостный, с очередной плиточкой подбежал к рундуку... Возмущению его не было предела. Хорошо еще, что голос у Михаила был тихий. Он забегал и засуетился. Подозрение падало на всех. Но первыми оказались Влад с Серегой.

- Влад! - возмущался Михаил. - Где мой шоколад?
- Серег? Ты зачем съел Мишкин шоколад?

Дальний поход

- А ты зачем?
- Вы чего? Весь мой мешок съели?
- Да ладно тебе. Там еле на двоих хватило.
- Ребят... Весь мой запас!!!
- Ой, отойди. Это было так вкусно!
- Я столько копил!!!
- Какой ты нудный. Мы тут развлекались от души, а ты отдыхать мешаешь.
- Да я, да мы, да вы, да я вас всех...

И понеслось. Машка бегал, прыгал, толкал “опухших” товарищей. От него пытались всячески отделаться, но он не отставал. Покуражившись немного, ребята отдали сокровище, и спокойствие было восстановлено.

Где-то к концу первого месяца похода родилась очередная классификация людей. Автором ее явился Шурик.

- Вообще, Илюх, - сказал как-то он мне, - пришел я ко мнению, что все люди делятся на две категории. Одни это те, кто прилично отморожен. Вот ты можешь вспомнить о себе такие моменты, когда поступал как-то в разрез с логикой.

- Еще бы.

- Воот. Значит, ты в тот момент был как отмороженный. Потому ты относишься к прилично отмороженным. Понятно?

- Понятно. А другая категория?

- Аа. Есть такие, которые и вспомнить не могут о том, что поступали в разрез с логикой. Их только мы можем оценить. Они всегда ведут себя как отмороженные. Вот эти то отморожены напрочь. Их мало. Но они украшают жизнь. Делают ее радостнее или кошмарнее. Все зависит, насколько близко от тебя они находятся.

Это деление на прилично отмороженных и отмороженных напрочь стойко вошло в нашу терминологию. Тем более что жизнь каждодневно подтверждала его правоту.

Однажды утром мы услышали удивительный приказ.

- Все консервные банки из-под соков не топить, а хранить. Для сдачи как металлолом. Для уменьшения размера банки плющить.

Это отличился мичман Тютюник. Он тридцать лет посвятил флоту. И занимался продовольствием. Такое даром не проходит. Ведь продукты требуют пониженной температуры для хранения. Мороз все тридцать лет не давал отогреться разуму. Короче мичман стал отмороженным напрочь. Но в Средиземке он перегрелся под солнцем и его осенила гениальная идея.

- Надо сохранить для Родины бесценный металл!

- Это как?

- Банки. Консервные банки. У нас куча продуктов из них, вернее, в них.

- А может...?

- Не может. У нас теряется металл. Каждая банка весит... Довольно прилично. Если их собрать за весь поход. Вы посчитайте сколько банок у нас на каждого матроса и офицера...

И началась кампания по металлосбережению.

Всем нам довелось попробовать разминки с гирей и кучей банок. Дошла очередь и до меня. Взяв пустые консервы я все на ют поближе к бочке для сжиганиябумаг. Затем притащил туда же чугунную наковальню и пудовую гирию. Посмотреть на утреннее шоу собралось несколько матросиков.

Я поставил первую банку на наковальню. Примерился-размахнулся и ударил гирей по банке. Бам... Банка сплющилась наполовину.

- Слабовато, - немедленно прокомментировали из-за спины.

Бам. Не оборачиваясь я нанес следующий удар. Банка превратилась в блинчик. Его я отправил в пустой ящик. Достал другую банку. Размах, удар. Бамме! На этот раз блинчик вышел с первого удара.

- О, цэ дило...

Я поставил новую банку. Она оказалась кривоватой. Пока размахнулся – банка ловко соскочила на палубу. Буммм. Удар гири по наковальне вышел великолепным.

- Мазила!

- Лови скорей, а то за борт сбежит – Тютюник прибьет за утерю металла.

Через минуту беглянка стала блинчиком, и я потянулся за следующей банкой. Она мне показалась потяжелее. Но меня захватил азарт. Замах...

- Осторожней! Она из-под томатного!

Бам!!! Гирия ударяет по литровой банке. Чмок!!! Банка лопається. На зрителей и исполнителя выплескивается кровавая масса. Полный восторг.

После обработки банки отправлялись в трюм. Как выяснилось к ящикам с картошкой. Мороза там не было. Только градусов около пяти тепла. Остатки же сока пахли аппетитно. И теперь отряд по чистке картошки пробивался к продукту через полчища дрозодил.

Окончилось все так же внезапно. Капитан решил проверить запасы продовольствия и спустился в трюм. Как только открылось овощехранилище, на него метнулась толпа мух и тараканов. И все это при тусклом освещении. Кэп был потрясен. Он немедленно распорядился все лишнее выбросить за борт. Предложение мичмана мыть банки было отвергнуто. Их ведь требовалось еще и сушить, разложив по всему юту. А это привело бы к увеличению поголовья мух и тараканов по всему кораблю. Да и команда неправильно поняла бы излишнюю заботу о вторсырье. Что ни говори, а если не приспособлен корабль под мусоровоз, то нечего и пытаться превращать его в помойку. Себе дороже выйдет.

Вот так мы коротали время в ожидании приказа продолжить поход. И он, наконец, пришел. Как всегда, неожиданно. У нас ведь и топлива и продовольствия не на год было загружено. Поэтому требовалась дозаправка. Для начала нас решили послать к Италии. Подальше от Ливана, поближе к США.

Подготовка к этому этапу живо коснулась населения "Крыма".

21 февраля был устроен большой помор тараканов.

Все строились с матрасами на юте. И не только с матрасами, но и с вещами. Тщательно все перетряхивали, а потом загорали на юте.

Пока мы загорали в помещениях корабля особая команда проводила потраву домашней живности. Вот мы и лежали в ожидании пока весь ядовитый газ выветрится. Не спорю. Тараканы досаждали. Баранку в рундуке за сутки могли

Дальний поход

очень прилично обглодать. Да и в другие места заползали. Могли к примеру, застряв в прорези банки с соком и вызвать приступ дурноты, когда этого соку отхлебнешь. Короче их потравили, как могли. А вечером объявили приказ. “Крым” поворачивает на Италию, а, следовательно, на Кубу. Мы отправились преодолевать Ионическое море.

Глава 6. Ионическое море.

Поход к Италии порадовал новыми ощущениями. Их принесла килевая качка в дополнение к бортовой. Такое было в новинку. Корабль качался не только с борта на борт, но и с носа на корму. Волнение постепенно усиливалось, и вода стала захлестывать бак. Мы вышли подышать на ют. Несколько матросов, привалившись к борту у турника, обсуждали погоду.

- Ну подумаешь качка, - рассуждал один, - все-таки не лето. Зимой в Средиземке должно качать. И не сравнить с Черным.

Мы поежились, вспоминая команду “Задраить люки. Корабль ложится в дрейф”.

- Там тесно. А здесь есть, где волнам разгуляться.

Тут его красноречие прервала хлестнувшая через борт волна (а это на высоте около трех метров).

Море расшалилось. Ветер то же. Серое небо посыпало редкие капли дождя. Холмы волн накатывали один за другим. Но монотонностью и не пахло. Каждая волна хотела удивить чем-то своим. Неотвратимо приближаясь масса воды нависала над кораблем, оказавшимся в нижней точке между двух волн. Чем глубже этот провал, тем неприятнее это смотрелось. На экране телевизора меня это впечатляло не сильно – подумаешь пять метров. Даже в иллюминатор впечатления смазываются. А вот когда я встал на юте у борта, то те же пять метров темной соленой воды показались горой. Очень захотелось поверить в надежность конструкций. Все-таки не первый дальний поход. Гора тем временем пронеслась мимо. Зато следующая уже тут как тут. Ловко заходит и бьет в правый борт. Брызги взлетают на несколько метров. Хорошо, что корабль

кренило на левый борт и вода не сумела нас залить. А корабль потихоньку переваливается на другой борт и начинает карабкаться на следующий гребень. За кормой встает стена бесящейся воды с пенным следом от наших винтов. Класс! Но вот вершина волны достигнута и начинается очередной спуск. Стены за кормой уже нет. Другая уже надвигается с носа. Это очередная волна с очередным сюрпризом. У нее есть “барашек”. Наш корабль штука тяжелая - весит четыре тысячи тонн. Но для этой волны подобное – ерунда. «Крым» плавно заваливает на левый борт. «Барашек» проходит мимо, возвышаясь метра на два над палубой юта. Меж тем на небе появились просветы, и засветило солнце. Серые горы стали обретать синий оттенок. Но радоваться не пришлось. Корабль вошел в зону волн от двух штормов. Качка стала усиливаться.

- Пора сваливать. - сказал кто-то.

Вышедший на палубу офицер подтвердил общее мнение и приказал задраить люки. Так что первая часть памятного приказа – «Задраить люки. Корабль ложиться в дрейф» - оказалась выполненной. Оставалось надеяться, что второй не будет.

Ветер крепчал, хотя солнце светило довольно неплохо. Леша как всегда храбрился, хвалился и свалился. Зеленоватая муть распространилась на метр вокруг кочки, где ютился страдалец. Но не все поспешили последовать его примеру. Многие жаждали зрелищ, которые всегда приносит качка свыше четырех баллов. Желаящие были приглашены на политинформацию.

Посиделки проходили как всегда в учебном классе. Он располагался с правого борта метрах в шести от воды, и качка там ощущалась сильнее. Класс был шириной метра два, с одной стороны иллюминаторы, с другой переборка. Лейтенант пустился в пляс, рассказывая о событиях в мире. Стенды наглядной агитации дружно хлопали о стены в такт волнам и притоptyваниям офицера. Мы же ездили по скамьям, держась за столы. А брызги тем временем стали долетать уже и до наших иллюминаторов. Потом показался и краешек волны. Становилось более чем забавно. Когда волны хотят перекатиться через корабль возвышающейся над водой метров на пятнадцать, а до суши много миль - в душе просыпаются кошки и для начала щекочут нервы. К тому же мы еще не знали, что за штурвалом находился кап три Кремер.

Он давно числился в самых русских. А какой русский не любит быстрой езды с удалью, посвистом и площадной бранью.

Он смело крутил штурвал, вспоминая кадры фильма “Волга-Волга”. Наконец то удача улыбнулась ему. Вот идет очередная волна. Самое время для маневра в стиле “Эй ухнем”.

Он вообще был мастер, и сегодня настал его день стать, по классификации Шурика, отможенным напрочь.

Он... Короче вначале корабль шатнуло вправо. Все с готовностью приникли к иллюминаторам, то есть съехали по скамьям к правому борту. Плакаты на переборке угрожающе отклонились от стены. Волна лизнула стекла и прошла. Раздались возгласы восхищения, но их прервал резкий крен на левый борт. Засвистел ветер. Сидящие, хватаясь за столы, поехали влево. Лейтенант уже стоял у переборки, наклоняясь вместе с ней. Угол наклона неудержимо рос, и сидящие начали падать на палубу. Плакаты, висевшие на правой переборке,

Дальний поход

наклонились сильнее, чем обычно и сорвались. Корабль начинал ложиться на борт.

- Мать, мать, мать... - раздалось со всех сторон.

Возгласы изумления быстро сменились одним веским словом, характеризующим настоящее и недалекое будущее. Я начал вспоминать, где лежат спасательные круги и жилеты и из чего они сделаны. Про спасательный плотик я знал только, что, если стальной контейнер не откроется и газовый баллон не сработает - лучшего грузила не придумать. Но вот корабль начал возвращаться в вертикальное положение. Кошки успокоились, оставив нехороший осадок.

Поход на Италию продолжился. На боевом дежурстве царил атмосфера взаимопонимания. Близкие самолеты в такую погоду не летали, переговоры дальних были не слышны. А уж команда на пеленгацию могла восприниматься только как шутка. Героизмом было просто дойти до “скворечника” - поста пеленгатора на третьей палубе. Поскольку конец пути пролегал по открытому вертикальному трапу. До воды с него лететь десять метров.

Перед ужином я спросил Лешу.

- Слушай! Может тебе сегодня не налегать на еду? Качает-то очень сильно. К ночи шесть баллов обещали...

- Не, Илюх, я прикачался.

Итак, Леша изрядно покушал на ужин и пошел со мной нести вахту. Для начала он посидел на посту. Минут десять. Он надел наушники, настроил приемник на нужную ему волну... Впрочем, нет, не успел он настроить. Когда я оторвался от своего приемника с магнитофоном, он уже чистил воблу. для борьбы с качким методом жевания.

- Хорошая штука – вобла, - сообщил он мне. – Прекрасно помогает от морской болезни.

Чешуя разлеталась под умелыми пальцами пианиста по всему посту. Но Леша явно не успевал. Не успевал за усиливающейся качкой. Уже поедая рыбью спинку он начал бледнеть. Корабль же монотонно переваливался с борта на борт и с носа на корму с регулярностью, достойной лучшего применения. Вверх-направо-вперед, вниз-влево-назад... Вверх-направо-вперед, вниз-влево-назад...

Леша заскучал. Он посидел еще немного, меняя окраску, как хамелеон, с розовой на серую с синевой под цвет магнитофона. Плелнул на лоб водички. Затем резко вскочил, крикнул в микрофон: “Добро на выход на десять минут” и ускакал из отсека.

Никто не ждал его обратно.

Но он вернулся.

Через час.

А пока все на вахте страдали от морской болезни. В той или иной степени. Я для начала покрутил ручки настройки приемника. Настроиться на нужные частоты не удавалось. На ненужные, впрочем, то же.

- О летит! – раздалось от поста старшего матроса Шиманского. – Эй пеленгатор. Берем самолет!

- Да где, ты, его нашел? - Возмутился сосед. – Какой придурок полетит в такой шторм?

- Пеленгатор! Работает! Кончил!

Другой матрос скинул наушники на стол и начал тереть глаза. И вправду свет ламп стал казаться тусклым. Штормит... Вверх-направо-вперед, вниз-влево-назад... Вверх-направо-вперед, вниз-влево-назад...

Из шхерки тем временем выползла кувалда. Она начала ползать с довольно мерзким скрипом. Я решил ее закрепить. Ха. Схватить кувалду удалось быстро. Еще быстрее я ее поднял. Затем корабль удачно накренился, и я побежал с кувалдой наперевес к ближайшему посту. Бамс! Я промазал по матросу. Тот с трудом оторвал голову от стола.

- Убери кувалду!

- Пеленгатор! Работает!

Вверх-направо-вперед, вниз-влево-назад... Я потащил кувалду прочь от людей. Вверх-направо-вперед, вниз-влево-назад...

Кто-то икнул.

- Меня сейчас стошнит! – пробормотал матрос.

И тут же раздался плеск жидкости, быстро и шумно вырывающейся изо рта. Народ позеленел. Все обернулись звук.

- Это ты?

В тени, посверкивая мокрым лицом, стоял вернувшийся Леша. Он взял в руки графин с водой, набрал ее в рот, поставил графин на стол, сложил руки лодочкой и... С тем же кошмарным звуком вода из геринового рта устремилась в руки. Леша мыл лицо. Фыркая и отдуваясь. Затем он оторвал от рулона для приема телеграфных сообщений большой клок бумаги и вытер мокрое лицо.

- Ваахшр! – прорычал Леша. – Фрр!

- Ты это зачем сделал? – поинтересовался один из моряков, держась за рот.

- Да, панимаешь, вода в гальюнах кончилась, а умыться после рвоты жизненно необходимо... Хоть от запаха избавиться. А то тошнит.

- Вот только не надо про тошнит. – простонали в ответ.

- Пеленгатор!

- Ааа... скорее бы смена.

Мы все ждали смену. Ребята должны были прийти, хоть какие-нибудь. К встрече одному старшине удалось поймать по радио и записать бравую мелодию. Когда до смены оставалось несколько минут, он вышел с поста в коридор. Скоро на трапе, ведущем к нам, зашуршали тапочки и грубые выражения.

- Идут! Врубай! - старшина вошел с довольной улыбкой и закрыл люк.

Его товарищ нажал на пуск, зазвучали знакомые аккорды.

- Не кочегары мы, не плотники

Но сожалений горьких нет, как нет...

Люк открылся, и под бравый марш монтажников-высотников в помещение начали вливаться бледные тени. Полузакрытые глаза не отражали света, а только увеличивали муть.

- И с высоты вам шлем привет...

Зеленоватые лица добавляли очарования ночному кошмару. Стоны и крикращения наполнили помещение. Контраст был отличный. А тут еще Леша вспомнил о сменщике.

Дальний поход

- Мишкаа! – с повизгиванием Леша схватил Шурика за волосы.
- Какой я тебе Мишка... Он рядом стоит!
- Не ну какая шевелюра, - продолжал Леша. – Настоящий медведь.
- Отстань от Шурика! – вступился Михаил.

Куда там. Еле оттащили.

Потом пошли мы, сдавшие смену, в кубрик. По дороге к нам присоединился пеленгатор.

- Слушайте, там кошмар, я думал даже смены не будет. И кто там пеленговать вздумал? - его эмоции поднимали настроение.

Я вошел в кубрик. Влад мирно посапывал, держась за подушку двумя руками и положив на нее голову. Это все, что осталось от него на койке. Штормтрап он не закрепил, а потому ноги его презабавно гуляли по палубе. Корабль наклонялся на левый борт, и ноги шли налево, корабль кренило на правый борт, и ноги, конечно, шли туда же. Вверх-направо-вперед, вниз-влево-назад... Пришлось будить.

Утром шторм продолжился. Я пошел на смену и там мне впервые за весь поход всерьез поплохело. Килевая качка за три часа развила жуткую морскую болезнь даже после месяца привыкания. Я мог бы оценить страдания Леша, которые начались на полтора часа раньше, но мне стало ни до кого. Я сумрачно думал о походе в галюн и прочих прелестях кормления Ихтиандра. Каждое движение корабля верх вдавливало в кресло, каждый срыв вниз вызывал чувство невесомости в ногах и подбрасывал желудок с его содержимым ко рту. Я посмотрел на пост Леша. Там лежали шкурки от воблы. “А что если...?!” И я пошел искать воблу. Переборки и люки проплывали в тумане мимо. Странно изменившийся корабль то препятствовал, то помогал прогулке. Судорожными движениями я искал воблу. Я уже представлял ее запах и от этого становилось совсем дурно. Наконец я нашел сушено-соленую рыбу и вернулся на пост. Чистка и поедание заняли мало времени. И о чудо. Туман стал исчезать. Голова прояснилась. Я даже покрутил ручку настройки приемника. А там не за горами оказался и конец дежурства. Леша проявил мужество и дождался Шуру. Но от обеда отказался, как и многие из команды. Так я оказался за столом в полном одиночестве. Дневальный по столовой сообщил, что не выпито несколько порций вина, и я пошел помочь прибрать их. Сидя за курочкой и прихлебывая “Ркацетели” из двух полных кружек я испытал величайшее почтение к вобле и тому, кто ее изобрел. После обеда я последовал примеру Леша и изобразил жуткую морскую болезнь - упал на койку и захрапел.

Наши мучения продолжались несколько дней. Наконец шторм кончился, а вместе с ним и поход к Италии. Солнечный полуостров встречал нас хмурым и дождливым небом. Хорошо, что качало не сильно. Правда, самой Италии видно не было. В этом месте мы должны были встретиться с танкером-заправщиком. Ночью в свете прожектора я впервые увидел дельфинов, охотящихся за кальмарами. Белые, фыркающие. Они всплывали вдохнуть воздуха и вновь ныряли за едой.

1 марта. Наконец то швартовка. Танкер “Макацария” лежал в дрейфе вместе с “малышом” (небольшим кораблем) “Курс”. Название танкера рассмотреть было сложно. А вот надпись “No smoking” просто светилась красным на белой

кормовой надстройке. Заправившись соляжкой и водой, отшвартовались и пошли в точку у берега Туниса.

2 марта ночью «Крым» прошел мимо сияющего огнями и маяками острова Мальта и оказался в заливе Хаммамет (Тунис). Корабль лег в дрейф. На берегу залива с древних времен располагался рыболовецкий порт, а в десятом веке арабы построили крепость Медина. Сейчас здесь курортная зона с виллами миллионеров и любителями рыбалки. Правда увидеть виллы не удалось.

Далековато до них.

Погода стояла солнечная. Желающие тут же скинули лески за борт и занялись ловлей рыб. Клевало по-разному. Вокруг нас расположилась куча рыбацких лодок и еще два наших корабля – все тот же танкер «Макадаря» и «ПМ-24». «ПМ» нам расшифровывали как «плавающий магазин» (на самом деле

плавамастерская). Размером судно меньше нашего «Крыма». И намного. Используется как склад, как почтовый корабль и еще для каких-то военных надобностей. Через некоторое время нас всех навесил итальянский тральщик. На шлюпке ребята съездили на «ПМ-24» и поменяли наши просмотренные фильмы на другие. Вроде как ранее не виденные.

На следующий день разыгрался шторм. Вместе с ним пришло «Добро» на продолжение похода на Кубу. Соответственно было решено отправить на Родину накопившуюся корреспонденцию. Для этого мы передали свои письма на «ПМ-24».

Смотрелось это классно. Серое небо, волны с барашками качают два судна. В снастях свистит ветер. Мы идем с небольшой скоростью против волн. Канат то натянется до звона, то провалится до воды. Закончилось все это подмоченными мешками. Развязавшись, мы потопали дальше к выходу из Средиземного моря

Глава 7. Да здравствует Атлантика

7 марта «выбросили мусор» - очистили корабль перед океанским переходом и повернули к Гибралтару. Наконец то мы за чертой, к которой стремились три месяца. В море становилось все оживленнее. Вокруг появлялись кораблики. Наш «Крым» уверенно шел к проливу. И дошел к 8 марта.

Кораблей заметно прибавилось. Особенно понравился паром, перевозящий машины. К 11:00 появился патрульный катер. Затем мимо прошел противолодочный фрегат. Погода была получше, чем при прохождении Босфора, но из-за дальности расстояния европейский берег был все равно плохо виден. Африканский же виден не был. Команда спокойно гуляла по юту, разглядывая

Дальний поход

яхты и катера, проплывающие мимо. Мое внимание привлекла одна яхта со спущенными парусами. До нее было километра полтора - два (миля морская). А интересного в ней было то, что она шла наперерез “Крым” из Европы в Африку. Практически перпендикулярно нашему курсу.

- О! Камикадзе. - сказал я своим друзьям. - На таран идет.

В это естественно никто не поверил. Ну как такая скорлупка будет выпендриваться?

Но время шло, а с ним и яхта. Вот она уже в кабельтове, вот в полукабельтове. Я поспешил на шкафут с фотоаппаратом, благо боевой тревоги не было и “по местам стоять” не требовалось. Яхта вблизи оказалась маленькой. Со стальным, “бампером”. Скорости она не сбавила и в десяти метрах. Правда, на палубе никого не было. Я взял фотик на изготовку, поскольку заметил, что яхта встретиться с “Крымом” как раз в районе шкафута. Краем глаза я заметил выскочившего из рубки “Мужественного человека” и прикинулся шлангом. Старпом сверкнул глазами и исчез в рубке. Я высунулся

из укрытия и сделал снимок. Яхта врезалась в наш борт. Бамс. Грохнуло не сильно. Скорлупку отшвырнуло метра на два. Из каюты яхты как ошпаренный выскочил мужчинка. Я сбежал на ют, где уже началось обсуждение инцидента. “Крым” же спокойно продолжал движение. Яхта осталась за кормой. Заметных повреждений на ней не было, у нас тем более, и все успокоились.

Затем нас догнала стайка дельфинов. Они некоторое время плыли в кильватере, а потом быстро ушли вперед. По правому борту испанские горы, какие-то постройки. Нас догоняют военные катера. Подлетает вертолет с надписью “Royal Navy”. За нами подходит эскадра северного флота: ракетный крейсер “Устинов”, эсминец, большой катер береговой охраны и еще пара катеров. Самолет “Р-3С” - “Орион” (“Пэ-три-це” - самолет для морской разведки) раз шесть облетает всех нас и продолжает вести к Атлантике. Суэта немереная, поскольку эскадра нас обгоняет. На крейсере главком, а потому у нас

“боевая тревога” и отдавание чести - флаг приспущен. Когда эскадра прошла “тревогу” отменили.

В 12:50 выход из пролива. Все-таки большие столбы поставил Геркулес. Настолько большие, что их незаметно. Корабли веером расходятся по своим курсам. “Орион” продолжает облетать советские ВМС. Последний взгляд на последний маяк. Мы в океане. Пора обедать.

После обеда состоялся праздничный концерт. Леша как всегда играл на пианино. Другие пели под гитару, читали юморески... В общем, было интересно.

Вечером бродили по юту. По воде идет мелкая рябь, облачно. В корму ударяют легкие волны. Недалече идет катер. А со стороны пролива показалась невероятная штуковина. Огромный паром красно-оранжевого цвета. Размеры колоссальные.

На следующий день шли по гладкому океану. Поверхность без рябинки. Только накат равномерно поднимает и опускает корабль. Этакие волны от края до края океана. С дистанцией в пятьдесят метров. В Средиземке такого не было. Если волны, то смешанные. На большой волне несколько маленьких. Все движется, все плещется, друг-другу перехлестывается.

В Атлантике я увидел абсолютно гладкие волны. Ни малейшей неровности. В разрезе плавная синусоида. Самое интересное начиналось если просто встать на палубе и смотреть на океан. Простор, не запятнанный силуэтами кораблей и берегов. Особенное чувство добавляет мысль о ближайшей твердой поверхности в двух милях... под килем. Солнце царит в зените. Птиц нет, рыб нет. Синяя, в цвет неба, волна медленно и степенно поднимает «Крым», и так же медленно и степенно опускает. Ее начало теряется на юго-востоке, а конец простирается за северо-западный край горизонта. Она никуда не торопится. Ей незачем спешить. Наш корабль она уже догнала. Он то же не сильно торопится на своих двенадцать узлов. Скорость их роднит. Природа у них такая – неторопливая. За этой волной так же величаво подкатывается следующая. Плавно вверх... плавно вниз... А там еще одна, и еще... И никого. Солнце, волны и корабль. Во все стороны гладкая поверхность волн наката.

Ночью после вахты я вышел подышать воздухом на палубу. На поверхности воды по-прежнему не было ни рябинки. Вот только в темноте вода отражала свет от луны и наших фонарей, как масло. Казалось мы идем по масляному океану.

Накат очень удобно использовать, подтягиваясь на турнике. Можно подгадать момент и легко взлетать верх. А можно не подгадать и сорваться.

Такой трюк мог проделать любой. А вот бег по юту был только для особо одаренных... мужеством. Мужеством, переходящим в зверство по отношению к себе. Несколько раз я наблюдал, как по доскам вокруг катера бегали сонные герои. Они пытались “держаться в форме”. Меня бег по кругу радиусом десять метров не вдохновлял. Однако Владик с Сергеем купились на лозунги здорового образа жизни и несколько раз вместо валяния в койках отправлялись с утра пораньше на ют. Я с содроганием смотрел на них. Бег по мокрой

Дальний поход

качающейся палубе мог закончиться только падением. Так недолго и отморозиться, не то что здоровье улучшить. Вскоре на бега почти никто не ходил. Зато появились хромые и увечные.

А также вечно идущий. Это был мичман, боровшийся с гиподинамией методом спортивной ходьбы. Когда бы я ни обращал внимание на шкафут, он всегда появлялся в поле зрения. Уже в летах, в шортах и кедах, мичман отмерял километры. Длина шкафута была метров тридцать. Можете представить какое это удовольствие ходить там взад-вперед. И ничего, ходил. И даже был приветлив. Впрочем, во время шторма я не вылезал на палубу, а потому не знаю - ходил он или нет.

Через день погода ухудшилась. Заштормило. Потом шторм стих. Так и шли через Атлантический океан. 19 марта пересекли тропик Козерога. Соответственно попали в тропические воды. Рыбы стали летать на грудных плавниках (птицы и так всю дорогу плавают). Выскакивают из воды, пролетают метров пять, касаются очередной волны хвостом и вновь летят. Однажды ночью во время шторма такая рыба угодила нам на ют. После долгих мытарств она осела в моей коллекции. Внешне она выглядела как селедка с огромными плавниками. На вкус, правда, попробовать не пришлось. Хоть их много летало вокруг корабля, но поймать больше не удавалось. А посему этот экземпляр я засушил до несъедобного состояния.

Да особо и не хотелось ее пробовать. Кормили хорошо. Правда, все больше консервами. Консервированная морковь, консервированная свекла. Даже картошка консервированная. А на ночной чай для вахты давали “деликатес” - стерлядь, консервированную в томатном соусе. Не знаю, кому это захотелось портить благородную рыбу.

Несмотря на обильную кормежку, особо вкусные блюда приходилось тщательно делить. К особо вкусным у нас относилось почти все - сгущенка, сахар, колбаса, салаты... Да еще во время пересменки требовалось оставлять и следить за оставленным для двоих, идущих с вахты. Проблемы возникали и обсуждались. Во время одного из таких обсуждений Леша сделал умное, на его взгляд, предложение.

- Да зачем делить? Пусть каждый возьмет сколько захочет.

Дружный смех прозвучал в ответ.

- Это великолепно. - сказал Владик - Значит вы поели. Мне достанется все, что не успеет съесть Илья.

- Не. Влад. Ты не понял - сказал Сергей - По команде “к столу” все кидаются и хватают, что успеют.

- Только с уточнением - добавил я - Ничего не держать в руках, а есть наперегонки.

- Ха-ха-ха. - мы представили, как кидаемся к столу и с вытаращенными глазами запикиваем в рот приглянувшиеся куски.

- Вот-вот. - сказал Шурик. - А потом двое дожидаются приходящих с вахты и рассказывают, как было вкусно. В красках...

- Ха-ха-ха.

Так что дележка осталась.

Леша по мере сил старался соблюдать это правило. Но это не всегда ему удавалось. Куски сахара можно разделить поровну, но как делить миску со сгущенкой? Однажды мы завтракали после долгой ночной вахты. Пока я с чувством и толком пережевывал пищу, пытаюсь следовать советам диетологов, Леша, не долго рассуждая, заглотил кашу, колбасу, намазал сгущенкой бутерброд и съел его. Я смотрел, как он уплетает все это, и радовался, что морская болезнь оставила Лешу. Потом я отвлекся на колбасу. Леша тем временем налил себе еще одну кружку чая, затем задумчиво взял миску с остатками сгущенки и сгреб ее в свой чай. Глядя на последние капли сгущенки, исчезающие в кружке, я пожалел, что шторм кончился.

- Леша, - сказал я, - А как же любовь к ближним?

- Это, ты, о чем? - поинтересовался он, совершенно спокойно попивая чаек.

- Да так. О моей сгущенке.

- Как? А я думал, что ты уже съел... - он был искренне потрясен.

Эта фраза стала очередным перлом, запомнившимся надолго. Она породила много забавных шуток типа:

- Представьте приходят двое со смены, а им говорят: "А мы думали, что вы свое уже съели".

Впрочем, все проходило довольно безобидно, пока Леша ненароком еще раз не отличился. Дело было уже на Кубе. Мы ужинали вшестером. Все было строго поделено. Только сахара была большая куча, и его не делили. Особо тщательно поделили сыр. Причем довески были размером с кусочек сахара. Сидели весело. Вахт не было, погода чудесная, еда вкусная... Мы уже пили чай, как вдруг Миша ойкнул.

- А где мой довесок сыра?

Все посмотрели друг на друга, потом на Мишу.

- Какой?

- Да который всем полагался. С кусок сахара. - Миша посмотрел на Владика.

- Да не брал я его.

- А ты Поль?

- Миш, успокойся. У нас же честная дележка. Может, он упал?

Начались поиски над и под столом. Сыр не нашли. Тогда продолжилась разборка. Мишка нервничал. Вопрос оказался принципиальный. Но все чистосердечно отнекивались. Следствие длилось минут десять. Сыр по своей значимости вырос до невероятных размеров. Казалось, похищен редчайший экспонат. Весь корабль не смог бы вместить компенсации. Потом Михаил смирился с потерей, и все разошлись. Через несколько дней Леша признался нам, когда Мишка куда-то отошел, что именно он съел злополучный кусочек, приняв его по своей замутненности за сахар.

- Не выплевывать же его. Пришлось съесть... А попробуй-ка Мишке скажи об этом. Загрызет.

С этим все согласились. Действительно Миша Лешу недолюбливал. И это было взаимно. Хотя собственно ссорились они по пустякам.

Вообще то Леша на боевом посту был приятным напарником. С ним можно было о многом поболтать, пока он не начинал страдать от морской болезни.

Дальний поход

Кроме того, он откалывал различные номера, всячески веселя окружающих. Первый раз я чуть не упал, увидев один из таких номеров. Это когда он умывался водой изо рта. Потом привык. Тогда матросы его чуть не побили, но трогать Лешу не стали по причине его вида. Смотреть на него было еще хуже, чем слушать звук льющейся воды. Ему сказали только, чтоб не подавал больше дурного примера.

Большой успех ему принесло умение стучать по клавишам рояля. Я уже писал, что он занимался на пианино с трех лет, учился в консерватории и все со вкусом и толком. Он играл и на Новый Год, и на других праздниках. Однако для хорошей игры нужны тренировки. Командование не было против репетиций в свободное от дежурств и работ время. Так Леша повадился в кают-компанию. Это его и сгубило.

Ночью на десятое марта я с Лешой сидел перед затихшими приемниками. Летчики воображаемого противника на средиземноморской зоне спали. Американских же слышно не было. Покой и благодущие. Я погрузился в созерцание и не заметил, как исчез мой напарник. Я привык к его долгим отсутствиям. Но в этот раз качка не ощущалась желудком. Следовало бы насторожиться, однако я этого не сделал. А ведь Леша тоже.

Экипаж либо спал, либо нес вахту, не интересуясь посторонними звуками. Кроме одного человека. Это был дежурный офицер, старлей. Он бдил в рубке, а потом пошел на обход корабля. Вот идет он мимо каюты мужественного человека и слышит странные мелодичные звуки. И старлею становится не по себе. А вдруг старпома разбудят эти звуки? Проходит он под каютой капитана - звуки сильнее. Подходит к кают-компанию. Точно. Это фоно. Старлей входит в кают-компанию и видит Лешу блаженно жмущего на педали и наигрывающего классику на пианино. Туманным взором василиска Леша озирает окрестности, не замечая остолбеневшего офицера.

- Ты что тут делаешь? - дежурному с трудом удастся сбросить дурноту и туман.

Взор великого пианиста опускается на вошедшего. Сквозь высокое и вечное не проскальзывает ни одной мысли. Звуки уносятся вдаль.

- Да вот решил попрактиковаться, товарищ старший лейтенант, - ответ прост и мелодичен.

- А как же самолеты, пароходы и воображаемый противник. - офицер начинает недоумевать. Ведь он стоит перед Великим пи..., тьфу, обычным рядовым.

- Да не летают они ночью, - продолжает мутить Леша, - и не плавают.

- Не плавают. - согласился офицер, выйдя из транса. - А вот ты заплывешь. Возвращайся на пост и готовься к нарядам.

Так Леша залетел. Это был серьезный удар по репутации армии перед флотом. Влад, как сержант, отдувался перед капитаном второго ранга, отвечающего за службу, в которую мы и входили. Солдат хотели приписать к нарядам.

- Да вы что? - возмущался Владик. - Нас пятеро отслужило по полтора года и ни одного залета. А этот только год, да и сами видите, его только из-за допуска засунули. Других с допусками не было. А из солдат двое лучшие спецы части. Я

и Поляков. Нас и на союзные соревнования выдвигали, да кроме нас на них никто не захотел ехать. А Леша только по клавишам и бил...

Мы проводили агитки среди матросов.

Потихоньку накал страстей стих. Тем более что Леша действительно отличался от остальных солдат. Один из его нарядов по камбузу проходил во время шторма и там он умудрился залезть задницей в лагун со сметаной (разведенной из порошка). Есть во время шторма мало кому хотелось, и это пропустили без последствий. Но добавили в счет личных заслуг по нестандартному поведению. Опять же музыкальное образование и рассуждения на эту тему снискали ему слушателей, которые защищали его и объясняли другим причины странностей. Затуманенность порой позволяла ему выходить с честью из затруднительных положений. К примеру, он не забыл, кто помешал его ночной репетиции.

Месть Леша была не скорой. Он успел отходить свои два наряда. Все вроде бы утряслось, и тогда он выполнил незадуманное.

Мщение проходило в классическом Лешином стиле. В тумане и мути. Короче, шла большая приборка. Леша мыл палубу. Он мыл уже с полчаса, и туман успел распространиться в коридоре и по трапам и вниз, и вверх. Без доступа к роялю музыка заполняла его целиком, не оставляя места обыденности. Короче Леша отрешился от палубы, корабля и мира. Помыв, он пошел в носовой галюн выливать лагун с грязной водой (таз оцинкованный, двадцати сантиметров бортик, эллипсоидной формы в длину восемьдесят сантиметров). Путь этот он преодолевал не думая, как и много раз до этого во время шторма. Ему надо было спуститься по очень узкому трапу. Вода была очень грязной, а Леша был очень мутный. Как тут было заметить поднимающегося навстречу обидчика. Тем более тот то же ничего не видел в лешином тумане. Встреча произошла прямо на узеньком трапе. Леша с невинным взором опрокинул на старлея свою ношу и остановился, удивленно осматриваясь. На лице его читался неподдельный интерес: "А где это я?". При этом он начал еще и извиняться.

- Ничего, Леша, бывает, - простил добрый офицер и поспешил уйти от лиха и морока.

Леша остался в недоумении.

- Понимаете, - объяснял он нам потом, - я так и не понял, откуда он взялся. Да еще на такой скорости. И вот что меня волнует, сильно ли он обиделся.

- Да нет, Леш, - успокаивали его мы, - не сильно, ты же классно на фоне играешь и всех развлекаешь Великим и Вечным. Но зато как ты отомстил за залет!

А между тем "Крым" вошел в бермудский треугольник. Ничего устрашающего, кроме большой приборки, не случилось. Проходила она как обычно. Вначале все грязные места мыли, палубу поливали водой и сгоняли ее швабрами с резиновыми насадками, пыль протирали ну и так далее. Заканчивалась приборка неизменной командой, передаваемой по ГГС: "Медь драить, резину белить, барашки раскрутить и смазать". По поводу барашков ходило немало шуток. В смысле что надо разработать и смазать не только барашки, но и много других мест. В солнечную погоду приборка на юте шла на

Дальний поход

ура. Еще бы. Загорай, обливайся водой и все вроде при деле. В помещениях такого развлечения не было и приборку старались закончить побыстрее.

Вечером после приборки в 23:00 послушали погоду на Гуантнамо (американская база на Кубе) 36 градусов по Цельсию. Каково же там днем. Хорошо еще на корабле установлены кондиционеры. Они уже работают. Впрочем, воздух в помещения подается через вентиляционную систему в любом случае. Тепло ли, холодно ли. Только для жары предусмотрены массивные холодильники в вентиляторной. Конечно охлаждение не сильное, но все же корабль не раскаляется.

24 марта на горизонте появился остров Гаити. Вы не были на Гаити? А вот мы не были. Весь день топали мимо него и к вечеру вошли в Наветренный пролив. В небе опять закружили разведсамолеты. На следующий день все

переделались в форму

“колонизаторов”

- тропичку. В

море полно

военных судов.

Все-таки рядом

Гуантанамо.

Океан спокоен,

только метровая

рябь. Я гулял по

палубе, любуясь

погодой. Как на

заказ мимо три

раза пронесся

“F-16”.

Замечательно.

Вечером зачитали сообщение о нападении на советское судно где-то в индийском океане у островов. Посему организовали круглосуточное дежурство на юте. От этого отвертеться не удалось. Влад заступил первым. Идем вокруг Кубы. Цвет воды изменился на более темный. Нам объяснили, что это из-за повышенной концентрации солей. Вот так мы шли-шли и пришли к своей цели - Сьенфуэгосу.

Глава 8. Остров Свободы

Перед заходом в Сьенфуэгос решено было привести корабль в приличное состояние. За длительное пребывание в море наш “Крым” порядком заржавел. Где могли, ржавчину счистили металлическими щетками и шкуркой. Затем замазали оранжевым суриком. В результате корабль стал пятнистым. Когда сурик просох, его покрасили под цвет окружающих деталей. Остались борта. Их пришлось красить с плотика. Плотик сделали из двух швартовочных кранцев с юта. Их связали и покрыли деревянным настилом. И вот двое смельчаков с краской и валиками начали работу. А еще двое принялись контролировать их движение. Одним из зрителей оказался Шурик. В его обязанности входило отвязывание, буксировка и привязывание плотика на новом месте. Он потом рассказал об этой работенке.

- Вначале я старался, честно, старался не только отвязывать, но и привязывать. Но это так утомительно. К тому же напарник куда-то свалил. Ну я набросал канат на кнехтик и пошел себе. Потом слышу шум за бортом. Выглядываю, а ребятишки уже метра на два от борта и концы в воде. Короче уплывает плотик. Ну, я там пошумел немножко. Прибежал боцман и багром подтянул. Так-то вот. Опасное это дело красить корабль с воды.

После покраски корабль направился в порт.

Я стоял в ту ночь на вахте по охране юта. Созвездия прямо-таки пылали над кораблем. В тропиках звезды кажутся просто огромными, по сравнению с видимыми в Москве. Я залюбовался бездонной вселенной. Потом посмотрел вперед по курсу. Сперва было темно, но “Крым” продолжал движение. И вот вдаль показались огни. Они приблизились и остановились. Вернее, наш корабль лег в дрейф. Так мы и простояли до утра.

Утром оказалось, что мы перед входом в бухту Сьенфуэгоса. Вскоре (по кубинским меркам это всего два часа) на борт поднялся лоцман и нас повели к причалу. Наша солдатская команда поднялась на волейбольную площадку, чтобы насладиться зрелищем. Для начала “Крым” поставили на якорную стоянку посреди бухты.

Мы любовались спокойной водой, окружающими бухту с одной стороны зелеными лесами и городом, с другой стороны. В лесу росли пальмы, а около города рядами стояли водонапорные башни. Причем баки у них были не цилиндрические, а напоминали летающие тарелки. Над нами парили пеликаны. Эти птицы мне всегда напоминали птеродактилей. Они летали в двадцати метрах над водой, высматривая рыбу. Затем складывали крылья и пикировали, выставив клюв. Бултых! Удар о воду получался довольно шумный. Вы никогда не падали с двадцати метров воду? Мне так и десяти достаточно было. А пеликану это в радость. Раз за разом взлетать и падать. Так что развлечений хватало. Потом подошел буксир и оттолкнул “Крым” куда-то на задворки. Там стояло с десятков ржавых рыболовецких корабликов и бродило двое местных жителей. На поверку они оказались встречающими. Больше нас никто не ждал. Мы кинули им грузило со шпагатом, чтобы они вытащили конец (канат) и закрепили его для швартовки.

Дальний поход

Неторопливость кубинцев сразу бросалась в глаза. Плавными движениями один из встречающих подошел к лежащему на земле грузу и взялся за него. Медленно вытянул шпагат из воды и уже с помощью напарника потащил основной конец. Вытянув петлю,

они небрежно набросили ее на кнехт. Так же поступили со вторым концом. Как только петли оказались на кнехтах кубинцы удалились. На “Крыме” же работа закипела. Матросы дружно вытягивали конец. Затем при помощи машины натянули его для прочной швартовки и закрепили на корабельном кнехте. Мы прибыли. Началась стоянка, со сходами на берег.

Узнав, когда мы едем на пляж, я начал поиски снаряжения. К моменту схода с корабля у меня уже был комплект: маска, трубка, ласты. Я с нетерпением ждал команды. И она прозвучала. Все, кто был в этот день отряжен на пляж, спустились по трапу и залезли в автобус. Замполит напомнил о мучачах и кукарачах (девушках и тараканах). Тем временем автобус поехал. Дорога к пляжу была не короткой. Она пролегла по Сьенфуэгосу и по его окрестностям. В городе здания были еще ничего. По большей части дореволюционной постройки.

Так называемые “виллы американцев”.

Многие уже начали разрушаться. Ухаживать за виллами особо некому. Революция, общественная собственность, точнее, разгильдяйство. Жаль. Когда-то все было красивым, а теперь того и гляди рассыплется.

Затем потянулись сельские улицы. Вдоль дороги стояли белые

мазанки с тростниковой крышей. Одноэтажные, покосившиеся, они напоминали скорее сарайчики, нежели жилье. По улицам неспешно передвигались люди и

повозки, запряженные ишаками. Убогое зрелище. Не в том смысле, что ишаки – убогий вид транспорта, а в том, что руки у кубинцев не доходят сделать вид жилищ поблагородней. Куда проще ждать пока кокосы созреют и упадут сами.

Потом дорога вышла на поля. По бокам росли ровными грядками ананасы и что-то еще. Несомненно, вкусное и редко продаваемое на Родине. Впрочем, в те времена с тропическими фруктами в СССР было напряженно. У нас в Москве даже апельсины бывали нечасто. Бананы

так вообще раз в год удавалось достать, отстояв приличную (на полчаса или более) очередь. Так что эта экзотика смотрелась увлекательно. Очень хотелось погулять по полю и поискать спелых плодов.

По краям полей стояли водонапорные башни с “тарелками” наверху. Прямо космодром НЛО.

Впереди показались две “мучачи”. Автобус притормозил около них. Оказалось, им то же на пляж. Так что поехали все вместе. Девушки молодые, мулатки, одеты ярко, но лица... Не понравились они нам с лица. Оно и к лучшему.

И вот мы на пляже. Playa Rancho Luna. Говорят, недалеко “Залив свиней”. Пальмы, небольшие строения вполне цивилизованного вида, небольшие кустики. Дальше песок, полоса прибоя и море. Голубое море, плещущее у ног, а не у борта. Дует легкий ветерок, и гонит волны к берегу. Светит солнце в синем небе. Красота.

До этого я плескался в море только в детстве и то в Черном. Здесь же были тропики и Карибское море. Полное красок и живности. Я осторожно стал входить в воду. Глубина нарастала медленно. Я шел по колышущимся зеленым водорослям. В небольших углублениях покачивали иглами черные морские ежи. Мне припомнилось, что иглы их ядовиты и поспешил надеть ласты. Затем я надвинул маску на глаза, зажал в зубах трубку и окунулся в теплую воду. Плавать в таком снаряжении мне понравилось сразу. Небольшое движение ногами и вот уже под тобой проплывают коралловые заросли. Очень скоро глубина достигла полутора-двух метров. Телефильмы, конечно, подготовили к подводным видам, но живьем... Это было великолепно. Сбылась потаенная мечта. К тому же я обнаружил, что в таком снаряжении плавать можно бесконечно. И я плывал и нырял в голубой воде, рассматривая все подряд.

Вот стоит коралл-мозговик Диплория. Метров с трех — это булыжник, а вблизи он оказывается живым существом горчичного цвета с причудливыми колониями на поверхности, напоминающими мозговые извилины. Эти извилины представляют собой большой рот, образовавшийся при слиянии многих полипов в колонию.

Чуть дальше песка поднимается оранжево-красное создание, напоминающее отдаленно папоротник. То же коралл. Относится к роду Акропора. Чем дальше от берега, тем больше таких украшений. Метрах в сорока от берега они образуют настоящие заросли. А вот за очередным булыжником-мозговиком ветвятся олени рога. Это то же Акропора. Но веточки изящнее, да и цвет у них коричневый. Вокруг них колышутся водоросли. Между ними снуют разноцветные рыбы. Синие, красные, с фиолетовыми пятнами на хвосте, с зелеными полосами. И все спокойные, чуть ли не в руки тычутся, но схватить себя не дают. Когда же я взял острогу - рыбки сразу отплыли на расстояние вытянутой руки с острой. Причем сделали это плавно и как-то привычно. Рефлекс штука интересная, но он здесь видимо уже наследственный. Так что я ограничился сбором кораллов и ракушек.

Одним из заинтересовавших меня кораллов оказался веерный коралл. Его строение оправдывает название лишь отчасти. Эта колония полипов растет верх в одной плоскости. Веточки образуют мелкую сетку. В результате коралл становится похожим на бледносалатовый веер, но только нескладной. Что интересно, даже в засушенном состоянии он сохранил свои цвета, чего нельзя сказать о других полипах. После высушивания они становились серо-коричневыми. Пришлось их вымачивать в хлорке, и они стали белые.

Пока я с восторгом молотил по воде ластами все шло нормально. Но вот мне показалось, что в маску набралось много воды, и я решил от нее избавиться.

Я подплыл к местечку, где помельче и встал. Было по пояс. Я снял маску. Радостно подбежавшая волна немедленно качнула меня на ближайший коралловый куст.

К тому же глубина уменьшилась до метра, хотя до берега было уже метров пятьдесят. Я встал и снял маску. Лучше я бы этого не делал. Одно дело качаться, лежа на теплых волнах и совсем другое стоять в коралловых зарослях, когда эти же волны норовят опрокинуть на острые грани полипов. Я стоял с маской в руке в полу приседе и пытался что-либо сделать. Но кроме как поцарапаться о кораллы мне ничего не удавалось. К тому же песочек начал затекать в ласты, что усилило неприятные ощущения. Я начал вспоминать о пристрастии барракуд к запаху крови и способности атаковать стаей. Это уже нервировало. Пришлось лечь и уже лежа заняться решением проблем. Прежде всего я очистил и нацепил маску. Затем приладил трубку. Получив возможность смотреть и дышать, я освободил ласты от песка и поплыл дальше. Больше я уже не пробовал постоять.

Я поплыл дальше от берега. Но дно резко пошло вниз. Оно состояло из песка без водорослей и живности. Глазам предстала таинственная голубизна. Воображение сразу же нарисовало зубастые тени, поджидающие меня на пути. Я развернулся и через несколько взмахов ласт снова оказался среди оранжевых кораллов, зеленых водорослей и разноцветных рыб. В тридцати метрах от берега было и безопасно, и интересно.

Вдруг мимо меня на приличной скорости пронесся Владик. Я решил узнать, в чем дело и попытался его догнать. Куда там. Когда я выбрался на берег он уже вовсю делился впечатлениями с Серегой.

- Готовишься к соревнованиям? - поинтересовался я.

- Какие соревнования... Я плыву, никого не трогаю, ныряю. А там рыбина метра два в длину и ко мне разворачивается. Ну, я и решил, что подзадержался. Пора на берег.

- А здесь действительно может плавать хищная рыба. - сказал подошедший Мишка. - Вон смотрите на лодке спасатели едут.

Действительно вдоль берега, примерно в том месте, где мне мерещились тени, плыла лодка. Один человек сидел у мотора, а другой смотрел в воду. Я вздохнул и пошел обратно в воду. Бултыхался я в тот день до отъезда на корабль. Но к небольшому приему пищи перед погрузкой на автобус я успел вовремя. Обратная дорога уже не очень волновала. Впечатления от моря заслонили все остальные.

На следующий день спина горела. Я ведь плавал, подставляя спину солнцу, и оно прожгло через слой воды. У других, которые загорали на пляже, дела были еще хуже. К счастью на ужин была сметана. Страдальцы с упоением поливали ею свою спину, ноги и остальные обгоревшие части тела.

Через день мы посетили Ботанический сад. Это оказалось менее интересно. По существу, нас как стаю обезьян в парадных черных брюках выпустили в облагороженный лесопарк. Сперва нам показали основной маршрут, а потом предоставили самим себе. Мы разбрелись по зарослям. Сад порадовал впечатлениями, хоть и не такими, как пляж. После подмосковных лесов и океанских волн тропические растения приятно разнообразили окружающий мир.

Невысокие холмы сада покрывала трава. Кое-где стриженная, кое-где высокая. Цветов было немного. Но те, что мы видели, оказались большими и красивыми. Росли они, в основном, на деревьях. Сами цветущие деревья напоминали наши яблони и вишни. А вот пальмы могли напоминать только пальмы. Их стройные сероватые стволы возносились на десяти-двадцатиметровую высоту. И уже там располагалась крона из огромных листьев. Были здесь и маленькие пальмы. Их стволы целиком покрывали листья. Или не покрывали. Тогда их покрывали треугольные пластины, ранее державшие листья. Со стороны это напоминало здоровенные шишки. Некоторые торчали из земли лишь на полметра.

Но мы хотели поесть экзотических плодов. С этой целью мы подходили к дереву, на котором росло нечто, похожее на вожделенный предмет. Стрясали, сбивали, в общем разными путями добывали плод и пробовали.

- Ну как? - этот вопрос обращался к подопытному.

- Ничего... - он обычно не мог сразу понять отравился или нет.

- Рот не вяжет? - задавали мы наводящий вопрос.

- Не вяжет.

- Сладкий?

- Сладкий.

- Илюх, как врач, что скажешь?

- Медицина спасет.

Дальний поход

С этими словами я начинал есть фрукт, казавшийся наиболее спелым.

Так нам удалось попробовать манго, папайю и многое другое. Бродя среди деревьев, мы неожиданно ощутили знакомый запах.

- Слушайте. - остановился Влад. - А ведь пахнет сырой картошкой!

- Точно, - подтвердил я, наклоняясь к продолговатому серому плоду, лежащему под ногами. - Это бататы.

Я поднял расколовшийся пополам батат. Каждая половинка была с два кулака. От него действительно пахло сырой картошкой.

- Он что, на дереве растет? - спросил Мишка.

Мы задрали головы. На высоте двух метров с ветвей свисали здоровенные плоды килограмма на два.

- А что, если таким по голове? - сказал Михаил. - Мало не покажется.

Мы поспешили отойти к зарослям бамбука. Действительно непроходимый частокол. Затем нас понесло в чащу, и мы вышли к кактусам в рост человека. Они большие и колючие. Рядом наконец-то увидели бананы. Сорвали связочку. Но на проверку это оказалось нечто другое. Внешне это несомненно банан. А вот внутри какие-то семена. Очень похоже на кукурузный початок. С горя покачались на лианах и потопали к автобусам. Время экскурсии уже истекало. У автобусов мы зашли в небольшую оранжерею. В ней выращивались декоративные кактусы. Размером с ноготок и больше. Даже был полуметровый колючий шарик.

Затем, после посещения оранжереи, нам показали еще один интересный плод. Орехи Тамаринго. Или как их там. Растут они на дереве. И довольно высоко. Но лезть да ними не требуется. Поскольку сорванные с веток плоды не очень-то и вкусны. Сперва они должны созреть и упасть с дерева, затем скорлупа должна треснуть и только тогда ее можно снять и съесть коричневую массу вокруг косточки. Косточка же несъедобна. Хотя при чем тут прозвище орех мы не поняли. Затем мы обнаружили еще одно дерево, просто усыпанное желтыми плодами, напоминающими внешне сливы.

Экспериментировать не хотелось, и мы спросили проходившего мимо туземца можно ли это есть. На языке жестов, разумеется.

Туземец обрадовался, заулыбался. Уверенно закивал головой. Поднял вверх большой палец. А затем эффектно провел им себе по горлу.

- И что бы это значило? - спросил Владик.

- Отравиться можно... - ответил Мишка.

Я тем временем попробовал плод на вкус.

- Враки. Слива, да и только.

- Ну ка. – Влад, не выдержав разжевал одну штуку. – Классно.

И все, забыв об абorigine, накинулись на дармовщинку. Отведав плодов ботанического сада, команда расселась в тени бамбука. Вскоре время экскурсии вышло полностью, и мы поехали на корабль.

Через день опять возили на пляж. На этот раз я попытался заняться сбором трофеев. Но то, что попадалось, оказывалось либо очень большим, как, к примеру, рыба-шар, либо уплывало с огромной скоростью. В поисках морских сокровищ я методично обшаривал дно. Пара ракушек не очень меня устраивала. Я отодвинул камень. Под ним оказалась красивая рыба, очень похожая на мурену. И с длинными острыми зубами. Она поняла, что я ее съем и быстро уплыла. Уже после я увидел изображение этого существа в книге “Опасности моря”. Надпись под ним гласила: “Морская змея, яд смертелен, противоядия нет”. Тогда я этого не знал. Зато змея знала меня. Вернее, таких как я. Ей хотелось жить, а не выяснять, кто кого в гроб загонит. В общем, пронесло.

Под конец пошел небольшой дождик, и мы убыли на “Крым”.

Как оказалось, это была последняя экскурсия за этот заход. Но на выход в море мы не спешили. Во время пересечения океана было потрачена уйма солярки. Требовалась дозаправка. Ее осуществили на топливном причале. Под вечер нас туда оттащил буксир. Причал оказался с противоположной от города оконечности бухты. Недалеко от склона с лесом. Запаха солярки не ощущалось. Зато ловилась рыба, чем не замедлили воспользоваться наши рыбаки. Кроме нас у причала никого не было. Да и причал этот был метрах в ста от берега, к которому тянулся деревянный пешеходный мостик и топливопроводы. Под вечер на причале появился часовой. В свободно болтающейся хламиде типа куртки, штанах и кепке. Все цвета хаки. В руках автомат Калашникова, ботинок нет. Лицо часового подтверждало теорию Дарвина. Сразу становилось ясно, что этот человек произошел от обезьяны. С автоматом он обращался как с палкой. Он явно скучал. Бродил, курил... Когда стемнело, его заинтересовал иллюминатор каюты замполита. Там работал телевизор. Часовой не растерялся и вызвал своего командира. Командир приехал на велосипеде. С пистолетом и табуреткой. Они соорудили себе места для сидения и стали смотреть телевизор. Ну а мы пошли спать.

На следующий день мы отправились в путь. Буксир нас вытолкнул в море и “Крым” направился огибать Кубу. Как оказалось, Кэп выбил заход в Гавану. Он подрядился перевезти какую-то хрень (военное снаряжение). Все-таки это его последний дальний поход.

Во время перехода, 3 апреля, отметили мой день рожденья. На обед как обычно для дня рожденья кок приготовил жареную картошку. Ребята слили вино в одну кружку, и я выпил за здоровье окружающих.

А, кроме того, на очередной банке ловили рыбу. Попадалась всякая. Клевало так себе. Моряки травили байки о поимке на крючок лангустов и рапанов.

Заодно был устроен розыгрыш нашего солдатского капитана. Поскольку клев был слабый, то за снастями следили не очень пристально. Каждый новый рыбак после десяти минут ожидания начинал отвлекаться, да и отдыхающие (от вахты)

Дальний поход

не сильно поддерживали начинания любителей ловли рыбы. Вот и наш капитан, закинув снасть и прождав положенное время, решил отойти. Когда через пять минут он вернулся, то обнаружил приятно натянутую леску.

- Ого! – обрадовался он. – У меня что-то есть. – он начал вытягивать леску. – Точно есть! Вот так вам. Хорошая наживка и без рыбака рыбу выловит.

Капитан с восторгом вытягивал леску метр за метром. Через 70 метров из воды показалась рыба, болтавшаяся на крючке. Рыба была какая-то заторможенная и серовато-желтоватого цвета.

- Ну-ка, что там? – с этими словами рыбак вытащил на палубу знатно провяленную воблу. – Ах вы, черти!

Общий смех был ему ответом.

- Семьдесят метров выпустили!

- А ты не зевай.

- Смотри, как Зотов обленился. Все сырую рыбу ловят, а он уже готовую. Ни солить, ни сушить не надо.

Под вечер клев усилился, и пойманной рыбы скопилось порядочно. Назавтра нач. прод. распорядился ее почистить и пожарить.

Чистка рыбы проводилась на юте. Дежурная команда, ловко орудуя языками, материла скользкие тушки и тупые ножи. Погода стояла чудесная. Легкий ветерок отгонял рыбный запах. Волны лениво мыли ватерлинию. Обстановка стояла рабочая.

В желудках рыб обнаруживались рыбки поменьше, а также криль, водоросли и маленькие крабы размером с ноготь. Я даже подобрал парочку для украшения сувенирной продукции.

На ужин была, естественно, жареная рыба.

Глава 9. Гавана.

5 апреля мы оказались в бухте Сан-Ласаро. Из нее открывается вход в бухту Гавана. Ну и конечно вид на саму столицу Кубы.

Некоторое время болтались перед Гаваной. Город несомненно большой и полностью соответствует статусу столичного. Даже за несколько миль видны высотные дома, да и не очень большие тоже. Отель “Гавана Либре” выделяется среди других. Город вытянут вдоль побережья, что собственно неудивительно. К 9:00 прибыл лоцман и “Крым” пошел в бухту Гавана.

Проход в бухту узкий. У входа корабль встречает маяк. За ним располагаются две крепости по обеим сторонам пролива: Ла Пунта справа по борту и Эль Морро - слева. Стоят на скалах. Все белое и просто сияет на солнце. Говорят, что в Эль Морро содержали заключенных. При побеге они чаще всего попадали в воду. А там их уже ждали акулы, поскольку отбросы и трупы из форта ежедневно скидывали прямо в море.

Ранее Гавана располагалась глубже в острове под защитой фортов, а сейчас начинается почти сразу от берега.

Современная Гавана располагается справа по борту. Вначале идут дома. Далее вдоль пролива устроено несколько больших площадей. На площадях стоят памятники. Конные воины. Вдали виднеются высотные здания. В предполагаемом центре сверкает купол Академии наук (Национальный Капитолий - очень похожий на Белый дом). Слева по борту на склонах холмов растет тропический лес и располагается следующее укрепление - форт Ла Кабанья.

Левый берег становится выше. Среди зеленых ветвей показывается белая фигура статуи Христа спасителя.

Дальний поход

По правому борту стоит муниципалитет (Каса де Гобьерно).

Наконец воды стало побольше, и мы начали разворачиваться для причаливания кормой. С волейбольной площадки прекрасно видно, как работает швартовочная команда. Закрепленный на берегу канат обматывают вокруг здорового (метра полтора в диаметре) штыря на юте, затем включают механизм поворота этого штыря и вытягивают канат. В результате корабль подтягивается к причалу. После достаточного натяжения каната на него встает человек шесть, прижимая к палубе часть от борта до кнехта. Другие быстренько снимают конец и начинают крепить на кнехте, одновременно вытягивая слабину. Затем к ним присоединяются сошедшие с каната и общими усилиями швартовочный конец крепиться, как положено. Два каната и “Крым” прочно привязан к берегу Кубы.

Встали мы перед высоким зданием штаба ВМС Кубы. По крайней мере, нам так сказали офицеры. Между нами маленькая площадь. Напротив трапа у входа в штаб стоит часовой. Он совсем не похож на охранника из Сьенфуэгоса. И выправка, и форма в полном порядке. Рядом находится здание с Меркурием в виде флюгера на куполе крыши.

После обеда экипажу организовали экскурсию в гаванский зоопарк. Зоопарк так себе. Видимо нас туда как экзотических животных выпустили, поскольку кубинцы проявляли к нам живой интерес, особенно дети. Ну а так в зоопарке обычные тропические животные и птицы. Пантера размером с собаку, крокодилы... Да и маленький он, этот зоопарк.

Вечером на корабль прибыли наши солдаты, проходящие службу на острове Фиделя. Дали нам концерт.

На следующий день нас повезли на местный пляж. Гавана несравненно лучше Сьенфуэгоса. Дома выше. Красивых домов больше. Чего стоит только улица у моря, по которой мы ехали. Очень симпатичный ряд пятиэтажных домов стоит метрах в тридцати от воды вдоль дороги. Со стороны моря дорога защищена бетонным ограждением. Затем мы проехали мимо Военно-морской академии. По крайней мере, так нам назвали шикарный комплекс из зданий и причалов и парка. Центральное здание вообще небоскреб. Этажей 20. Все вокруг сверкает. Яркие краски флагов, деревьев и неба создают радостное настроение. У причалов и в сухих доках корабли с катерами современные и покрашенные. В основном белой краской.

После академии наши автобусы довольно скоро прибыли к комплексу отдыха. Оформлен он лучше Сьенфуэговского. Основное здание метрах в двухстах от моря. Значительно ближе к воде стоят небольшие коттеджи для отдыхающих. Все это располагается среди зеленой травы и пальм. Дорожки между зданиями асфальтовые. Да и к морю почти доходят, но условия для купания в море хуже - дно каменистое и колкое. Потому устроено несколько мелких заливчиков - ванн.

Когда шли к коттеджам увидели табличку с надписями на нескольких языках. Самая крупная была на русском: “Кокосы не сбивать!” Ну не сбивать, так не сбивать. Срывать то можно. Тем более что росло их изрядно.

Нас расселили по коттедгам по 8 человек в отсек. В отсеке две здоровые мягкие кровати из кожзаменителя, телевизор, холодильник, душ. Было уже довольно жарко, поэтому я поспешил к воде. Вход в море, как уже было сказано, не очень хороший.

Острые камни, осколки кораллов, но недалеко от берега песок. Однако укрытый от волн нет, а потому нет и отдыхающих рыб, нет растительности с ракушками. Добычи нет.

Плавать в волнах не очень интересно. Хорошо на них качаться. Но для этого нужен хоть какой-то поплавоч. А его не нашлось. Так я некоторое время плескался в поисках хоть чего-нибудь интересного. Но интересное не попадалось. Собрать удалось только несколько мелких ракушек - бусы делать. Правда, удалось поймать маленького лангуста. Будет центром экспозиции. В море скоро накучило. Вернулись в комнату, обмылись, обсушились и пошли за кокосами. Благо невысоких пальм росло изрядно.

- Ну, Владик, - сказал Миша. - Полезай за кокосом. Ты самый длинный.

- Щас. Уже лезу. - Влад стоял, задрал голову и выискивая кокос, висящий пониже. - Давай мы тебя с Ильей поднимем, а ты сорвешь.

Мы схватили сопровитвляющегося Михаила и попытались поднять. На уровне плеч подъем застопорился. Мишка закачался у нас в руках.

- Хватит! Я щас е... упаду!

- Отъелись на казенных харчах. Руки не держат?

- Что не успеваем? Надо тренироваться...

К нам присоединились еще несколько матросов со стандартным набором советов. Совместными усилиями мы добыли несколько кокосов. Начали вскрывать. Ножи оказались почти бесполезны. Кое-как срезали оболочку. Дальше – скорлупа. Молота нет, а об асфальт не получается. Ну не колется. Сопли об асфальт отлично бьются, а вот кокос – нет. Мягкий он (асфальт) в дневную жару. Аборигены с интересом наблюдали за нашей борьбой. Наконец подошел чернокожий. Представился чемпионом московской олимпиады на 400 - метровой дистанции. Повертел орех и с двух ударов о базальтовую глыбу проделал в нем дыру. Началась дегустация. Чемпиона как-то легко оттеснили в сторону, а я (совершенно случайно) оказался со вскрытым орехом в руках. Сперва распили жидкость, потом раскололи орех на куски. Изнутри скорлупа была покрыта слоем белого твердого вещества – собственно ореха.

Я принял деятельное участие и в распитии, и в поедании. Сок кокоса можно пить только при сильной жажде. Он сладковат, но не вкусен. Сам же орех напоминает арахис. Он нарастает на скорлупу и его можно срезать ножом.

Потом мы обнаружили проезжающего мимо полицейского на велосипеде. Окружили, выставили переводчика. Через минуту отобрали кольт, хорошо еще кубинец успел вынуть патроны. Полубовались рукояткой, оценили древность оружия и начали показывать, как играть в гусарскую рулетку. Переводчик (естественно «машинка для убийства») ловко крутанул барабан, взвел курок, приставил к виску и нажал на спуск. Щёлк! Осечка. Еще бы без патронов было по другому. Револьвером завладел мичман. Не раздумывая приставил к виску и... Щёлк! Конечно. Патроны то вставить забыли... Тогда протянули кольт полицейскому. Жестами пояснили, что тому нужно вставить один патрон,

Дальний поход

покрутить барабан и застрелиться для всеобщего удовлетворения. Какая это рулетка без стрельбы? Бедняга аж посерел. «Машинка» был непреклонен. Ведь он то уже сыграл.

Но тут всех позвали обедать, и полицейский был отпущен. На обед было замечательное мясо с картошкой и рис с бобами. Из питья же банка мангового сока и пиво. Пиво местное и не очень хорошее, зато крепкое, градусов двенадцать. Замполит Колодий перед приемом пищи сказал речь. Ход мысли молдаванина был извилист. Он сказал о дружбе, хорошо сказал, прямо-таки сказанул. Потом Колодий долго распространялся о том, что, дескать, не алкоголь мы пить изволим, а угощают нас напитком скромным. Еле его усадили.

Возвращались через центр Гаваны. На улицах и скверах растут стройные пальмы и гуляют не менее стройные девушки. Нас провезли мимо музея со знаменитой яхтой «Гранма» за стеклом. Затем автобус выехал на площадь Революции. Там стоит памятник Хосе Марти, высокая стела и место для Фиделя, на случай приема парада войск или карнавала.

Заехали к Академии наук. Нам сказали, что это здание - копия Белого дома в Вашингтоне. С надписью «CAPITOLIO». Сам я около Белого дома не бродил, да и на фотографиях за время службы почти не встречал. Так что авторитетно о схожести ничего сказать не мог. Но по всем воспоминаниям выглядело похоже. Здание украшено скульптурами, стоит на красивой площади. Вокруг много зелени, растут пальмы, стоят памятники и фонари на белых колоннах.

Мы побродили немножко по ступеням, пофотографировались, полюбовались творениями скульпторов и вернулись в автобус. Затем без остановок доехали до "Крыма".

Успели как раз к обеду. Или обед успел к нам. Но в такую жару это неважно. После обеда отдыхали на постях. Там прохладнее. Как-никак посты ниже уровня моря. Да и кондиционированный воздух хоть на десять градусов, да прохладнее. Я разложил морские трофеи, Ребята занялись проверкой радиочастот и вкуса апельсинов с грейпфрутами. Офицеров ни на палубе, ни под ней не видно. Кто сумел в город прорваться, кто в каюте «отдыхает». Только одна «машинка для убийства» ездил по коридору. Пройдет три метра, остановится, подумает, развернется и поедет обратно. Видимо заклинило. Плохо спиртом протирать шестеренки.

7 апреля. Утром вторая партия ездил на пляж. После их возвращения и обеда, в 15:22, отдали швартовые и вышли из бухты. Стоя на волейбольной площадке мы с грустью смотрели на столицу Кубы, понимая, что вряд ли еще раз там побываем в ближайшее время. Но нас ждало море.

Начинался очередной этап защиты рубежей Родины. Самый важный. Ради которого все и затевалось. Хождение вдоль Америки.

Глава 10. В 3-х милях от США.

Скоро желающие любовались в подзорную трубу небоскребами Майами. Крепкий ветер подгонял наш кораблик. Мы шли смотреть на пуски ракет. Пока же видели лишь плавники акул, и недалеко прошла подлодка. Море здесь черное, с какой-то “пылью”. Это дает знать о себе повышенная соленость. Прозрачность высокая, но нет голубизны Средиземки. Атлантика синяя, Средиземка – ярко голубая, а Карибское - темное.

10 апреля подошли к мысу Канаверал. Наконец то я увидел знаменитый космодром. Пусть и в бинокль. На равнине стоит несколько пусковых установок, здания NASA. Над всем этим хозяйством висит дирижабль береговой охраны. К вечеру, наконец, пришли к рыбному месту.

Вот это была рыбалка. Для начала на какие-то обрезки из камбуза выловили несколько рыбешек. Их тут же порезали на наживку, и началось... Рыба только что сама не прыгала из воды. В воду опускалась трехмиллиметровая леска с пятью крючками с наживкой и тут же поднималась. На каждом крючке болталось по рыбе. И так у каждого рыбака. В основном ловились “караси” (моряки не знали научного названия), но была и камбала, и другие виды. Наиболее забавной оказалась “хрюкающая” рыба. Я подошел к ящику с наловленной рыбой и услышал характерное “хрю-хрю”. Моряки сказали, что называется она “скоурия”. Впрочем, они и на королевского спинорога сказали “коралоед”. Не спорю. Кораллы он ест, зубы крепкие, но вот название ему дано за крепкую кость в спинном плавнике. Так что и скоурия могла у натуралистов называться по-другому.

А первую большую рыбу выловил капитан. Он старый рыбак и этим подтвердил свою репутацию. Рыба действительно большая, вытягивали сачком. Килограмм на 15. Кэп был несказанно рад этому случаю и требовал белого вина для приготовления ужина. Наш прапорщик с ней сфотографировался. В

Дальний поход

общем, все было замечательно. И на следующий день на ужин была свежежаренная рыба. Чистили всем экипажем.

После рыбалки пошли к Норфолку. Становится прохладнее, хоть и Солнце светит. Волны бьют в борт. Вокруг ходят различные корабли.

15 апреля сменили “тропичку” на обычную форму одежды. Следующая рыбалка была под Чарльстоном. Ловили морских собачек, петухов, камбалу. Старпом поймал метровую акулу. Витя Дубко схватил ее за хвост и стал бегать с ней за товарищами. Потом поймали прилипалу. Рыба с присоской на голове. К крашеному борту присасывается крепко, но, если сжать хвост - отваливается без усилий.

К полуночи выловили ракушку с осьминогом. Он краснел, синел и был отпущен. Нужно жить в Японии, чтобы ценить подобные деликатесы. В кругу от прожектора летают рыбы, да только вот не ловятся. Закинули драгу. Принесла драга кучу гребешков, морских ежей - “долларов”, звезд и кораллов. Было уже 2 часа ночи и в виду отсутствия большой толпы можно было спокойно поучаствовать в дележке.

После сбора морских сокровищ во время поездок на пляжи, я решил пополнять коллекцию на рыбалке.

Что интересно, если рыба ловилась активно, то в основном попадалась одного вида. Видимо косяк отпугивал одиночек. Экзотические создания клевали исключительно в спокойной обстановке. Меня естественно интересовали подобные рыбки. Ведь морского окуня можно и в магазине купить, а вот где найти королевского спинорога, как не на рыбалке в мексиканском заливе. Так что каждую рыбалку я высматривал себе добычу. Впрочем, крупные экземпляры я оставлял без внимания. Все-таки тащить домой придется на себе, да и куда дома можно поставить чучело рыбы длиной в метр? В планируемом мною “Аквариуме” она займет слишком много места, а повесить под потолком - покажется неинтересной. Из-за этого я только осмотрел полуметровую акулу-няньку. Создание со всеми признаками акулы. Расположение плавников, “зубастая” шкура, жаберные щели - все как полагается. Но вот цвет - коричневый, челюсти напоминают две щетки и одновременно тиски для разгрызания ракушек. Серьезно укусить за ногу она не сможет. Но с пальцем, засунутым в ее рот, справится без проблем.

Зато мне повезло со спинорогами. Их вылавливалось достаточно, и размеров они были подходящих. Так что парочку спинорогов я запас. Вообще спинорог рыба красивая. Особенно королевский, особенно обитающий в разноцветных зарослях. Он приобретает окраску окружающей среды. И очень яркую окраску. Сияющий темно-синий фон боков украшен зелеными разводами. Пузо желтое, плавники почти как радуга. Ну и конечно великолепные белые зубы. На солнце это все просто горит. Пока не высохнет. Высохший спинорог сохраняет лишь воспоминание о былой красоте. Итак, я отобрал парочку спинорогов. Шкура у спинорога прочная, но слезла на раз-два. Стоило только сделать разрез, вставить между мясом и шкурой палец и провести им, как тушка оставалась “голой”. Но челюсти и околоплавниковый скелет я оставил. Затем набил шкурки ветошью и положил их сушиться в шхерке в районе постов.

Тем временем на очередной рыбалке выловили мой заказ. А именно акуленка меньше полуметра в длину. Я уже давно решил сделать подобную рыбу центром будущей экспозиции, и оставил заказ у нескольких фанатичных рыболовов. И вот наш прапорщик выловил то, что требовалось. Я ему был очень благодарен. Так как я был на дежурстве, то отнес акулу в пакете в рундук. Каково же было мое удивление, когда через шесть часов я сменился и достал акулу, она все еще шевелилась. Но это меня не остановило. Снятие шкурки заняло порядочно времени. В отличии от спинорога акула не желала расставаться с оболочкой. Мышцы плотно срослись с кожей. Пришлось изрядно потрудиться, прежде чем чучело повисло в кормовой надстройке вместе с трофеями других рыбаков. Вскоре к нему присоединилось чучело рыбы-прилипалы. Они там никому не мешали.

Со спинорогами события развивались интереснее. Шхерка, в которой они сушились, была достаточно темной. Когда туда заглянули матросики проведать моих рыбок, то увидели нечто светящееся. Чучела естественно никто не стал трогать, однако меня поугали радиацией. Я, конечно, предполагал, что океан загрязнен, но не до такой же степени. Я спустился на посты и открыл крышку сушилки. В темноте голубовато светились рыбы скелеты. Мелкие кости плавников создавали ровный фон. А на нем ярко выделялись челюсти с зубами и пустые глазницы. На кладбище или в фильме ужасов эти чучела были бы неотразимы. Все-таки не зря говорят. Хочешь добавить себе фосфора – ешь рыбу. Через несколько дней свечение стало стихать, а после полного высыхания чучел и вовсе исчезло.

30 апреля наблюдали старт ракеты “Трайидент-2”. Звук с места старта шел секунд двадцать. Ракета уже успела пролететь над нами, когда дошел гул. Ракета улетела, а мы остались. На большую приборку, поскольку на завтра намечался праздник 1 мая. Во время приборки отличились солдат Ястребов и моряк Марков. Взяв по шлангу, они мыли ют. А так как в центре юта стоял катер, то они устроили через него обстрел друг друга водой навесом. Марков с одной стороны, Влад с другой. Ну а досталось мичману Зотовичу. Водой. И героям – словесно. Погода была солнечная, все сохло быстро и больших разборок не было. К тому же на ют вышел капитан. Марков незамедлительно обратился к нему.

- Товарищ капитан, разрешите вопрос. Можно на время приборки на ют подать музыку?

- Ну конечно же... нет.

И дисциплина была восстановлена. Приборка закончилась обычной командой: “Медь драить, резину белить, барашки раскрутить и смазать”.

Отметив Первомай, мы вернулись к Канавералу. Ожидался запуск еще парочки ракет с английской подлодки. Одну попытались запустили в ночь на 9 мая. Но сутки были нелетные и пуск отложили. Ее запускали на следующий день ночью, после праздничного концерта. Она благополучно летела двадцать секунд, а потом взорвалась. Воздух ей видно не понравился. Или обиделась на что... Вторую запускали утром 10 мая. Мы как раз вышли на зарядку и услышали отчет. Эта сумела пролететь довольно далеко. Однако и у нее полет был

Дальний поход

неправильный и ее через две минуты ликвидировали. На том развлечения и закончились.

В середине мая пришло душераздирающее известие. На “Закарпатье” (ССВ 502 - близнец нашего, но с северного флота), который должен был сменить нас, произошло “ЧП” и его срочно возвращали в порт приписки. А наш корабль вроде как оставляли до августа. Ситуация накалялась. “Крым” повернул обратно к Кубе для пополнения запасов. О попавших под приказ о демобилизации был сделан специальный запрос. Чем ближе мы подходили к Острову Свободы, тем напряженнее становилась обстановка. Да еще в море стало все больше попадаться медуз-парусников, так называемых “корабликов”. Сиренево-розовые паруса над поплавком встречались через каждые сто метров. Под поплавком болтались многометровые жгучие щупальца, а между ними плавала, спасаясь от хищников мелкая рыбка, привычная к стрекательным клеткам. Зрелище то ещё. Час за часом форштвень режет волны, а картина все не меняется. Один “парусник” сменяет другой и так до горизонта.

18 мая мы встали на прежнем месте в бухте Сьенфуэгоса. Опасения насчет медуз подтвердились. Пляжи закрыты, в больницах до трехсот пострадавших. Нас ограничили экскурсиями в ботанический сад. Хоть какое-то утешение.

В саду поели авокадо, манго и долго блуждали в дебрях из кактусов и пальм. Кактусы, конечно, интересные. В этот раз кактусов оказалось не так уж и много. Пovyрубали их что ли. С другой стороны, мы сразу пошли в сторону плодовых деревьев. Затем мы качались на лианах и жарились на солнышке. А что еще делать? Сад не очень-то и большой. Еще в первый заход мы по нему погуляли от души. Практически все осмотрели. Ведь не рассчитывали еще раз в него попасть.

Потихоньку вся команда собралась у автобуса. Сидели в тени и поджидали отцов-командиров. Кто-то что-то грыз. А основная масса обалдевала от жары. Все-таки на нас черные плотные шерстяные брюки, а не шорты тропички. Наконец пришел замполит и нас повезли в какой-то закуток среди полей и

блокпостов с автоматчиками. В этом закутке нашелся хладагрегат с холодным пивом. Всем досталось по бутылке. В жару хорошее охлажденное пиво оказалось, как нельзя кстати. Покрепче гаванского и немного более горькое.

После распития мы опять погрузились в автобусы и поехали в центр города. С момента предыдущей поездки городишко ничуть не изменился. Единственно в центре мы еще не были. Он оказался лучше окраин. Даже симпатичная гостиница есть. Ну и памятники историческим деятелям Кубы. Гостиница представительная, с лепниной.

День закончился погрузкой припасов. Для длительного путешествия на “Крым” в этот вечер загружали фрукты и овощи. Бананы грузили засветло. Под бдительным оком нач. прода. Их поднимали на борт и несли в трюм, где их встречал мичман Тютюник. Путь связок бананов просматривался основательно, но у него было слабое звено. Вернее, место. Он проходил мимо люка кубрика. Причем освещение в проходе не отличалось особой яркостью. А после тропического солнца идущий и вовсе видел только тусклые лампы. Остальное покрывала тьма. Этим то и воспользовались обитатели кубрика. Я, Владик, Сергей и несколько матросов стояли у неплотно прикрытого люка. Как только появлялся матросик со связкой, так из темноты к нему тянулись жадные пальцы. Пока носильщик говорил об учете и контроле, несколько плодов исчезало. Так мы увеличили количество полагающихся нам бананов. С ананасами этот трюм не сработал. Они, как и апельсины с грейпфрутами, грузились в коробках.

Когда стемнело, подвезли арбузы. Я впервые увидел такие. Снаружи это кабачок - цукини - переросток. Внутри же обыкновенный арбуз.

22 мая мы стали выходить из бухты. По этому поводу кубинцы устроили учения. Только нам отваливать от причала, как на ближайшем заводе завопила сирена. Над бухтой на сверхзвуковой скорости низенько прошли два истребителя. Вначале в относительной тишине два самолета пролетают над “Крымом”, а затем в уши бьет грохот моторов. Потом какой-то катер начал обстреливать плавающую мишень. Естественно, что о буксирах нет и речи. Отошли своими силами: набросили канат на дальний кнехт пирса и своим ходом развернули корабль к выходу. Естественно, что набрасывать и снимать канат пришлось нам же. Ребята в очередной раз покатались на шлюпке. Учения тем временем переместились в другую зону, и мы благополучно вышли в море. Прощай Куба.

Прошло несколько дней. И вот 27 мая, наконец, нас порадовали. Дембель будет! Для этого решили организовать встречу кораблей в море. При этом демобилизующихся совершенно спокойно могли перегрузить на “Закарпатье”, и он возвратится на Родину уже с нами и еще тремя матросами, которым то же пора было домой.

Началась кутерьма. На солдатской сходке решили, что не мешало бы раздобыть грамоты о безупречной службе и награды “За дальний поход”. Все это стали срочно “пробивать”. “Добро” было получено. Грамоты отпечатали, в военные билеты вписали приказ о награждении жетоном “За дальний поход” и поставили печать. Жетонов лишних на “Крыме” не оказалось и пришлось раздобыть их у команды. Добродетелям обещали выдать вместо нас в Севастополе по дополнительному жетону.

Дальний поход

Вечером 29 мая на вечерней поверке нас награждали. Награждающий должен был назвать звание и фамилию. У меня было звание “Рядовой”. Но дело то на флоте... И капитан второго ранга начал.

- Это... Солдат Поляков... Выйти из строя.

Все порадовались. Корабль как всегда покачивало, и обстановка была “семейной”.

Глава 11. Домой!

30 мая наступил день стыковки. Мы собрали вещички, упаковали трофеи и начали ждать. На палубе естественно. Меж тем погодка пошаливала. Волны стали увеличиваться в размерах. Но кранцы были вывешены по левому борту и все с нетерпением ждали приближения пятьсот второго. И он приблизился. Гордо и величественно взлетая на гребнях волн и низменно опускаясь в их разрывы “Закарпатье” перло к нам. Пока расстояние было велико никто, кроме моря, не волновался. Но вот между нами осталось каких-то полтора метра, и команда начала готовиться к худшему. Вид взлетающего метров на пять выше нашей палубы корабля внушал беспокойство. Судно неумолимо приближалось. Осталось сто метров, пятьдесят и вот “Закарпатье” проскочило мимо в красочном прыжке в тридцати метрах по левому борту. Это было зрелище. Пятьсот второй пронесло мимо, нас то же почти пронесло, и стыковку отменили. Кроме всего это означало и отдаление дембеля. Сумрачные мы спустились в кубрик. Что делать... Мишка как всегда страдал больше всех. Опять началось.

- Влад?!

- А?

- Как дембель?

- Ааа, не будет...

Утро принесло облегчение. Во всех смыслах. Саргассово море успокоилось и кроме океанского наката ничто не беспокоило его гладь. В небе снова царил Солнце. Мы сыграли с Лешой в последний раз в домино, а затем он в последний раз сыграл нам на фоне. Он оставался служить. Теперь насладиться его игрой мы могли только на гражданке.

В 12:00 “Закарпатье” зашло на очередную стыковку. На этот раз все удалось отлично и получилась швартовка. Матросы закрепили канаты и два корабля-близнеца закачались борт о борт. Пятерых солдат и трех матросов обменяли на консервы: консервированную свеклу, консервированный картофель, консервированную морковь и другие деликатесы.

На “Закарпатье” с развлечениями видимо было туго, и тамошние офицеры устроили игру в таможню. Они бдитительно проверили наши честные и чистые лица. Особист каждому заглянул в глаза. Не найдя ничего крамольного перешли к нашим тюкам. Мой ящик был самым большим.

- Что там? - поинтересовался офицер.

- Грамоты! - ответил я.

- Покажи...

Я достал верхнюю грамоту за отличную службу.

- Молодцы. А тут что? - он ткнул в самую маленькую сумку - это была Мишкина сумка. - Что в сумочке?

Открыли сумку.

- Аа. Тетрадка... И где это вы грамоте выучились? - офицер достал из сумки общую тетрадь. Полистав тетрадь, он обнаружил календарик с обнаженной девушкой. - Аа... Запретный груз!!!

- Ура!!! - Взревели все проверяющие. - Конфисковать. Немедленно.

- Забираем до возвращения на Родину. - объявил Главный проверяющий.

На том осмотр и закончился, а в нашей коллекции забавных случаев добавилась история про то, как Мишка на порнухе засыпался.

И вот началась наша жизнь на “Закарпатье”. Для начала нам предложили на выбор два места для поселения. Во-первых, матросский кубрик, во-вторых, периодически затапливаемую, а потому нежилую каюту. Мы, не задумываясь, выбрали каюту. От греха подальше. Все-таки два года служим, а не три.

Каюту нам понравилась. Располагалась она в конце офицерского коридора на нижней палубе. Напротив двери проход к умывальнику (воду пришлось проводить самим). Правее отсек с четырьмя койками в два яруса, еще правее отсек с диваном, столом и иллюминатором. Диван занял я. Его едва хватало по длине для сна. Друзья разместились на койках.

Дальний поход

После расселения мы пошли побродить по кораблю. “Закарпатье” казался более пустынным, чем “Крым”. Народу было мало. Может оно и к лучшему. Вечером мы поделились впечатлениями.

- Есть у этого судна одно отличие, - начал Влад.

- Точно... - подхватили мы хором. - Вход с юта в офицерский коридор. Лампа висит на полметра дальше. Никто головой не шарахнулся!

- Видать замполита рядом не селят. - предположил Шурик.

Насчет замполита мы не выясняли, но с лампой было продумано гуманно. К другим отличиям можно было отнести отсутствие волейбольной площадки. А в более глобальном - вместо округлых очертаний носовой надстройки высился квадратный короб. Кроме того, на “Закарпатье” обитало пара котов - один серый, другой черно-бело-рыжий. Оба ловили мышей или крыс. Лично видел, как один из них обедал грызуном. Еще по кораблю гулял пес Пират. Вырос он на корабле, был придурковат, по словам матросов, но дрессировке поддавался.

Хоть мы и плыли на дембель, без работы, вернее службы, нас не оставили. Правда, опять был выбор. И тут Сережа отличился. Мы вчетвером сидели в каюте в ожидании ужина. Было тихо и спокойно. Вдруг влетает Сергей и начинает.

- Все, завтра идем на посты. Я уже сходил, посмотрел, где они находятся.

- Ты чего? - вскинулся Мишка. - Обалдел! Какие посты?

- Хорошие посты...

- Ага - сказал Владик. - И жить в кубрик.

- Ну не обязательно.

- Знаем мы этого командира. Засунет. Ему дисциплина нужна.

- Да какая дисциплина. Тут всего месяц. Кораблю поможем.

- Ты это, Серега, неправильно придумал. - веско сказал Шурик. - Нам самим помощь нужна. Нам домой здоровыми нужно вернуться.

- Да вы чего, не комсомольцы?

Мы притихли.

- Ты это о чем? - спросил я, вспоминая психиатрию. - Ты успокойся. Нас уже расписали. Мы с Шуриком будем подсоблять боцману, Влад каютку починит, Мишка плакаты замполиту порисует, да и ты без дел не останешься. Так что будь умницей. Расслабься...

- Ребята. Там же учения... Ордена комсомола...

Но его пыл начал стихать. Мишка достал шоколадку, чтоб подсластить горькое известие для Сереги о том, что мы оказывается не фанатики боевого дежурства, житья в кубрике, нарядов, мытья гальюнов и прочих кошмариков.

Итог подвел дневальный. Он осторожно постучался в каюту.

- Вы просили позвать на ужин...

- Спасибо, идем! - дружно ответили мы.

- Вот так, Серега. - подвел итог Влад. - А сядем на посты, пойдем и в наряды и будем сами других к ужину звать. А тут нас зовут.

И мы пошли на вечерний прием пищи.

Кормежка на “Закарпатье” несколько отличалась от черноморской. Подъем на корабле официально был в 10:00. А завтрак в 8:30. Желаящие позавтракать должны были заранее предупредить дневального, что их нужно разбудить к приему пищи. Обычно на завтрак приходило не очень много народу, и свободных мест в столовой было предостаточно. Омлет, сыр, колбаса, сгущенка и кофе частенько вырывали нас из объятий Морфея. Позавтракав, мы возвращались в каюту и ложились спать дальше, радуясь, что не поддались на провокации Сергея.

Обед проходил так же в матросской столовой, благо место для нас нашлось. На “Закарпатье” мы впервые попробовали консервированного хлеба. Батоны белого были денатурированы спиртом и запаяны в полиэтилен. При поедании, соответственно, ощущался вкус денатурата. В остальном же рацион остался привычным. Вино, сушки, вобла... Ну и, конечно, консервы. Коки готовили блюда очень хорошо, так что елось и пилось с аппетитом.

Хорошее питание и здоровый сон не преминули сказаться на наших фигурах. В целях борьбы с данным бедствием мы начали интенсивно заставлять себя подходить к турнику. Шурик показывал пример. Десять подъемов переворотом получились на ура.

За ним к турнику подходил Мишка.

По вечерам мы выползали на ют, готовясь к вечерней поверке. Шурик разминался на турничке. Мишка то же пытался. Проходило это так. Миша подходил к турнику и примеривался взглядом. Перекладина висела более чем в двух метрах от палубы, а Мишка к концу похода располнел.

- Влад, подсади. - просил он не в силах подпрыгнуть.
- Что, ожирели? Прыгнуть не можем? Будем тренироваться.
- Да ладно тебе. Сам отъел животик.
- Мой животик незаметен, а твои щеки со спины из-за ушей торчат.

Мишка злился и пытался самостоятельно подпрыгнуть. Но вес давал о себе знать, и дотянуться не удавалось. Тогда Миша залезал по столбу турника и цеплялся за перекладину. Затем он подтягивался. Владик подходил сзади и помогал, приговаривая.

- Давай-давай. Осторожненько вверх-вниз, вверх-вниз.
- Влад, не мешай! - отвечал Михаил. - Я сам!
- Ну что за непоследовательный. То помоги, то "я сам".

После Миши на турник лез Влад. Раздавался скрип натягивающихся тросов, турник дергался под тяжестью бойца.

- Влад! Слезай. Сейчас турник рухнет!
- Не рухнет!

Влад поднимал ноги, отработывая подъем переворотом. Вовремя подбежавшая волна быстренько поднимала корабль, увеличивая нагрузку для подъема ног и Влад опускал ноги.

- Во ожирел! Ноги поднять не может
- Разговорчики!

Дальний поход

Проверка выполнялась почти как на “Крыме”. Тихо и спокойно. Только шаловливые матросы периодически выталкивали из строя друг друга, а то и мичмана.

Потом мы шли спать.

Несколько дней после нашего поселения мы болтались в дрейфе - дежурили над точкой, где затонула наша подводная лодка. Затем к нам подошел “Алдан”. Судно с водолазами и прочими приспособлениями. Нам передали полторы дюжины лангустов и прочих вещичек с подводных плантаций Кубы. На том дежурство и закончилось. “Закарпатье” направилось к дому.

10 мая на “Закарпатье” вновь начали готовиться к приему гостей. На этот раз с “малыша” - маленького корабля под названием “Селигер”(ССВ-514.) Погода сразу испортилась. О швартовке нечего было и думать. Тем более в бермудском треугольнике. Передачу, как нам объяснили, проведут по канату в герметичных спасательных мешках.

Этот оранжевый надувной мешок рассчитан на одного человека. Спасаемый помещается лежа, “дверь” зашнуровывается и конструкция готова к отправке. Для удобства заключенного напротив головы сделано пластиковое окошко. Оно, конечно, спасает от полной неизвестности, но порой излишнее знание хуже.

Мы вышли полюбоваться зрелищем. С “Селигера” перекинули конец. На нашем судне канат закрепили и дали команду о готовности. На “малыше” засуетились, забегали и скинули в воду продолговатый оранжевый предмет.

- Кошмар! - сказал Михаил. - В такой штуке, небось, сильно качает...

- Ничего, - отозвался Сергей. - Домой захочешь и в такой фигне поплывешь.

- Ага. - сказал Владик. - Вот так на канате до самого Мурманска за кораблем.

- А чего. - вступил в разговор Шурик. - Знатная отбивная после шторма получится. Надо же матросикам и свежим мясом питаться.

Так с шутками мы наблюдали, как первый тюк подтянули к борту.

- Поднимаем. - закричал главный по операции.

Матросы дружно ухватились за канат. Дружно подтянули почти к самому фальшборту (а это три метра до воды) и дружно выпустили этот канат. Оранжевая упаковка вертикально рухнула в Атлантику. Брызги взлетели до палубы. Зрители захлопали в ладоши. Мысленно.

- Молодцы, черти! – веселился Шурик.

- Ну да. К обеду хотят забить.

Ветер заглушал наши шутки. Тем временем состоялась вторая попытка подъема, так и не утонувшей упаковки. Она оказалась более удачной.

- Собрались! Дружно! – суетился офицер. –И раз, и раз, и раз!

Спасательный плотик бодро дергался в такт усилий матросиков. Вот его достали из воды, вот постучали им о борт. Еще пара рывков и сверток сбросили с высоты около метра на палубу. Шлеп! Гулко прозвучал удар. Врач с помощником тут же кинулись расшнуровывать оранжевый сверток.

- Вот так всегда. Медики первые за свежатиной лезут, - шутил Шурик.

Вскоре из плотика поднялся зеленый великан. Он слегка пошатывался, слегка подташнивал, но был скорее жив, чем мертв. Нам объяснили, что он морской

пехотинец или вроде того. Потому и жив остался. Под руки его увели с палубы. А мы продолжили развлекаться. За первым в воду по очереди бросили еще двоих.

- Храбрые ребята, - резюмировал Сергей.

- Нет, отмороженные напрочь, - добавил Шурик. - И если не были, то стали такими.

Их перемещение и погрузка на «Закарпатье» прошли по проверенному сценарию. На том событие и закончилось.

Все это время мы не просто пребывали на корабле. Мы несли службу. В частности, Я и Шура встретились с боцманом и начали работать под его началом. Это был изумительный начальник. Боцман был невысок, плотен и в летах. Он нам с Шуриком понравился. Работа в его присутствии проходила примерно так.

- Так, ребята, - боцман подходил к ящику. - Берете этот ящик, - он сам брал этот ящик, - и ставите его сюда.

Естественно, он же его и ставил на нужное место. Та же история повторялась с завязыванием канатов, перекалыванием инструментов и других вещей. Поначалу мы дергались, пытаюсь выполнить распоряжение. Но вскоре это нам наскучило. Все равно боцман успевал раньше нас.

Конечно, не все ему было под силу в одиночку. Тогда уже мы помогали. Например, перетаскивание бидонов с краской. Он, кстати, обучил нас их

переносить новым и очень практичным способом. Примерно так - два человека подходят с каждой стороны бидона. Один, тот, что слева, берет за левую ручку правой рукой. Другой за правую ручку правой рукой, а левой упирается напарнику в плечо. Эта левая рука используется как распорка. В результате отпадает необходимость расходиться постоянно в стороны, чтобы бидон не бил по ногам.

Главным нашим занятием стала покраска корабля. Причем объем работы, даваемой на день, был невероятен. Его конечно можно было растянуть и на полтора дня. Но на два уже явно не хватало.

К тому же боцман отличался крайней экономией. Например, он долго откладывал покраску бака. Корабельного бака. В смысле всего, что находится на носу корабля. Бак большой, краски мало, а перед

Дальний поход

возвращением в порт приписки нужно было красить заново. Вот он и тянул до последнего дня. И этот день настал. Мы получили по баночке с краской, и пошли орудовать кисточками. Покрасили часть бака, а заодно и себя. Потом стали отмываться скипидаром. Я впервые, да и Шурик то же, мылся скипидаром. Краску он смывает. Но и проникает в луковицы волос. И начинает жечь. Отмыть скипидар сложнее. После такой попытки мы раздобыли солярки и отмывались после уже только ею.

На другой день мы опять пошли красить бак.

Но корабль попал в шторм. И покраска превратилась в рискованное занятие. Вначале качка забавляла. Можно было измазать нос или уши. Затем палуба начала все больше приближаться к воде. Наконец из якорных клюзов брызнуло два фонтана. Затем еще. И вот сильная волна особо удачно ударила в борт, и фонтаны взлетели метра на полтора и слегка обдали меня и Шуру.

- Шур, - обратился я к товарищу. - А ну на фиг эту покраску.

- Согласен, Илюша. Пора нам.

И мы пошли в каюту. Владик там то же не терял времени. Он прибил маленькую планочку, чем украсил проход к умывальнику. К тому же он организовал починку водопровода. В кубрике стало возможно умываться. Михаил с Сергеем клепали плакат “Крепкая смена” или нечто подобное. Это им прекрасно удавалось.

С нашим приходом все оживились. Мы рассказали о наших впечатлениях, о шторме. Владик похвастался почти готовой проводкой для Громко Говорящей Связи. Михаил показал, какой “спасательный круг” он выточил из пенопласта. Мы покивали в знак согласия, что на память изваять такое можно, нужно только покрасить и Мишка убежал искать красную и белую краски. Оставшись вчетвером, мы занялись любимым делом для всех - погрели костяшками домино. Я с Шурой против Влада с Сергеем. Играли от души. Получалось весело. Особенно эффектно звучал голос Сергея после его серьезных раздумий.

- Рыба! - объявлял он, решив, что у нас с Шурой достаточно фишечек на руках.

- Ха-ха-ха! - отзывался Владик, открывая многочисленные “шестерочные” кости.

- Откуда ты их набрал? - удивлялся Сергей.

- Да насовали, хитрецы, толстозадые.

При подсчете “Рыба” добавляла очков нашим с Шурой соперникам. Не подумайте, что остальные не блистали умом и сообразительностью. Мы и напарника с “конца” снимали. И дупли своих же “зарезали”. Смешного хватало.

Веселье было в разгаре, когда появился Мишка с краской. Все порадовались успешной добычи. Михаил немедленно схватил пенопластовый круг и окунул его в белую нитрокраску. Как и следовало ожидать, круг скукожился и стал обглоданным. Все посочувствовали неудачному эксперименту и решили попробовать на других видах краски, а пока стали вытачивать круги из пенопласта.

После вечернего чая, когда мы прохлаждались на юте, неожиданно объявили тревогу. Наш отсеk затапливало. А соответственно и нашу каюту. Мы кинулись

спасать вещи и вычерпывать воду. В каюте оказалось воды по щиколотку. Ящик с “рыбками” начал намокать.

- Илюх! А где наши грамоты? - воскликнул Мишка.

- В самом низу ящика! - в тон ему ответил я.

- Да как же ты, да мы, да грамоты!!! - возмущению не было предела.

Мы расхохотались. Конечно же, грамоты лежали наверху и были надежно защищены. Но чтоб так вопить из-за бумажки, даже не зная, насколько она повреждена...

Вообще то кое-что в ящике намочило, но не сильно и скоро просохло. Пока ликвидировали затопление, и пока я возился с “сокровищами” мы пересекли Гринвичский меридиан. Часы передвинули, и они теперь показывали время Москвы плюс четыре часа.

На следующий день мимо “Закарпатья” проплыл кит.

Мы как раз находились на покраске надстройки. Она была превращена боцманом в склад.

Шурик первым его заметил, когда гулял по палубе. Он позвал меня посмотреть на морского зверя. Кит спокойно плыл на параллельном курсе, то погружаясь, то всплывая. Всего в двадцати метрах. Это объявили по корабельной связи - все-таки редкое событие. Животное большое. Спору нет. Только черный цвет кожи и отсутствие “игривости” ничем не украсили встречу.

16 июня сдали тропичку. Холодает.

17 июня прошли Фарерские острова. В честь такого события нас облетел “Нимрод” (норвежский самолет-разведчик) и сбросил три буя. Кэп отдал приказ выловить их, что и было исполнено.

В 17:15 мы пересекли линию Фарерские – Шетландские острова и очутились в Норвежском море. Прощай Атлантика.

19 июня в 12:04 пересекли Северный полярный круг. Как и на Гринвичском меридиане в море болтались буйки с пунктирной линией, плясали русалки и гремел торжественный марш.

Солнце теперь крутится над горизонтом круглые сутки. Я среди ночи вышел “посмотреть на звезды”. На небе была видна только одна звезда. И вся обстановка на небе напоминала раннее утро. Или вечер. Изредка выпадает пара снежинок. Смешно. Уходили в поход - плюс шесть и снег, возвращаемся - плюс шесть и снег. Тогда теплая зима в Севастополе, сейчас холодное лето Норвежского моря.

Идем вдоль Норвегии, любимея покрытыми снегом горами. Нами соответственно любуются тамошние ВМС. И любовь эта действует на нервы.

- Внимание, - разносится по кораблю, -Боевая тревога. Всем занять места, согласно расписания.

Мы с Шуриком быстро выскочили на шкафут. Справа по борту на нас заходил норвежский фрегат. А вместе с ним и шквалистый ветер.

- Ну что, Илюш? Побежишь за фотоаппаратом?

- Как-нибудь в другой раз. Уж больно дождь сырой.

По кораблю загремела другая команда.

- Всем занять места согласно боевого расписания...

Дальний поход

Мы сбежали в каюту. Наше расписание было – лежать на койках. В каюте уже поджидали остальные жильцы.

- Ну что солдатики, повоюем? – с порога начал Шурик.

- А в связи с чем тревога? – поинтересовался Влад.

- Да на нас фрегат норвежский прет. – ответил я.

- Ну все, Мих, -сказал Сергей, -Дембель накрылся!

- Это почему?

- А у командира есть приказ - как только встанет вопрос о захвате в плен – ликвидировать корабль с экипажем!

- Да вы чего?

- Конечно. – поддержал Владик. –У нас запрещенная воинская специальность, да еще и эти штатские на борту...

- Помнишь, нам рассказывали, как капитан на акулу охотился? –добавил Шурик. - Он не просто это делал. Он тренировался стрелять по живым мишеням.

Мы прильнули к иллюминатору. В кабельтове мимо прошел боевой корабль Норвегии. Вскоре прозвучала команда отбоя тревоги. Наш корабль продолжил движение к Родине.

За несколько дней до прибытия в порт приписки сонное царство «Закарпатья» было нарушено. Поскольку больших приборок на корабле давненько не было (если они вообще были за весь поход) - был устроен аврал. Вся команда драила палубу. Мы же с Шурой, как всегда, занимались покраской. Правда, для придания серьезности в работе боцманской команды нас перевели в подвешенное состояние. Мы красили борт «Закарпатья» снаружи. Температура

воздуха шесть градусов по Цельсию, с ветром. Все отморозились напрочь. Шуршали даже офицеры. Владик же решил, что можно загорать и позировал обнаженным... по пояс. Видимо отморозился еще раньше.

23 июня. Сегодня мыли бак, сушили кисти. Назавтра назначен заход в порт приписки. Вечером торжественная поверка. Капитан вручал грамоты отличившимся. Наша пятерка отличилась в полном составе. Еще бы. Владик прибил целых пять реек, Сергей с Михаилом наваяли целых семь плакатов, а меня и Шуру ежедневно встречали идущих с краской и (или) важным видом. Потому грамоты получили все пятеро. Это были большие, красивые грамоты. Далеко не каждый матрос удостоился такой бумажки. Радостные мы вернулись в каюту и занялись парадками. Что-то подшить, что-то разгладить.

24 июня. В 9:00 объявили “боевую тревогу”. “Закарпатье” пошло вглубь Кольского полуострова. Вокруг стояли голые сопки, практически без зелени. Так мы шли среди унылого пейзажа, хорошо, что сияло Солнце. Но мы шли на дембель. И это делало проход радостным. К 10:30 мы пришвартовались в Горячих Ручьях. Вернее, в точке около них. (1-й причал – дальний, для БРЗК) Причал на два корабля таких, как “Закарпатье”, на берегу склад с магазином, еще какое-то строение. Вот и все, что есть. Ну и сопки вокруг. По одной из сопок ограждение из колючей проволоки и часовой бродит. При воспоминании о местных морозах, ледяном ветре и скользких тропинках становилось этого часового жалко.

После швартовки на юте организовали торжественное построение. На борт прибыл контр-адмирал. Он с довольным видом обходил строй бравых матросов в черно-белых парадках - «двойках». И вдруг его глаза увидели зеленый цвет нашей формы. Адмирал остановился.

Дальний поход

- Откуда они на корабле?

Его вопрос был закономерен. В море можно повстречать моряка, спасти кого-нибудь. Но чтоб, уйдя в поход только с матросами, корабль вернулся с пятью солдатами...

- Так это на дембель ребята прибыли, - ответил стоявший рядом кэп.

- С Кубы?

- Нет с "Крыма". Черноморского корабля.

- А там то они как оказались.

- Командировка.

- Ну и хрен с ними. Пусть завтра же едут в часть.

И пошел дальше.

К вечеру нам назначили сопровождающего в Мурманск, "рассчитали" и дали добро на сход в 07:00. Мы провели последнюю ночь на корабле.

Утром, не позавтракав, и схватив сопровождающего, мы пошли к трапу. Сонный дневальный попытался поинтересоваться разрешением на вынос "трофеев", но его отодвинули с дороги, сказав: "Нам пора домой". Я, чуть не обливаясь потом, тащил свой ящик с кораллами. До стоянки катера было около километра. Но мы успели вовремя, погрузились и отбыли в Североморск. Там трава была уже повсеместно. Но вот с деревьями туговато. В Североморск мы погрузились на автобус и поехали в Мурманск. Чем ближе мы подъезжали, тем более высокими становились деревья, тем более природа напоминала о лете.

В Мурманске мы остановились у вокзала. Влад, Сергей и сопровождающий отправились за билетами. Тем временем на перрон прибыл поезд из Москвы. Из него выгрузилось пять новобранцев с прапорщиком во главе. Это было знаменательно. Нам, пятерым, прибыла смена. Вскоре вернулись, ходившие за билетами. Через пару часов нам предстояло покинуть Мурманск и ехать в Москву. У нас оставалось время позвонить. Влад настоял на подготовке сюрприза.

- Родителям не звоните. Пусть будет неожиданно.

Никто и не звонил родным, только друзьям. Дозвониться удалось Владу. Ну и ладно. Пусть сюрприз. Для начала же мы выяснили, что места у нас в тринадцатом вагоне. А поезд на перрон прибыл с последним вагоном под номером 12. Опять понервничали. Но вскоре подцепили еще несколько вагонов, и мы отбыли.

По дороге играли в домино. Любовались российскими пейзажами. Две ночи и вот уже подъезжаем к вокзалу в Москве. На перроне нас встречает приятель Влада, и мы идем к вокзалу. Идем и видим, как из толпы появляются знакомые лица пап и мам. Влад разворачивается к приятелю.

- Скажи честно, что проболтался.

- Да нет, что ты.

- Ага! Наконец то отловили вас, - папа Шурика первым подошел к нам.

- И от кого вы хотели спрятаться? - смеивался мой папа.

- Мы вас по всему миру вели. Каждый поворот отслеживали, - разъярялся папа Владика.

Выяснилось, что родителям не был известен только номер поезда, на котором их дети ехали домой. Нас всех рассадили по машинам и повезли в часть. Официально увольняться в запас. К счастью в эту субботу удалось довольно быстро найти комбата, который и выдал все необходимые документы. Пока его искали, мы любовались на “молодых”. Особого впечатления ни они на нас, ни мы на них не произвели. Когда мы уже топали к воротам части, мимо проехала волга командира части. Влад, как сержант скомандовал: “Смирно!” Мы остановились и образовали подобие шеренги. Командир вылез из машины. Поздравил нас с окончанием службы, пожал каждому руку. Этого удостаивались немногие солдаты нашей части. Также, как и грамот за службу. А их нам то же выдали. Грамоты были наименее красивые из всех, что мы получили. Хотя этой части мы отдали полтора года. Да еще и удержали звание лучшей части в союзе. Самые же большие грамоты мы получили, как я уже писал, за месяц, проведенный на “Закарпатье”.

Распрощавшись с командиром, мы покинули часть, пожелав легкой службы солдатам на КПП.

Через несколько часов все уже сидели по домам и рассказывали о своих приключениях родным и знакомым.

Это было 27 июня 1987 года. Ровно два года назад 27 июня 1985 года мы оказались в армии. И даже за день до демобилизации не было уверенности, что служба будет длиться ровно два года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло пара месяцев. Мы слегка обжились на гражданке. Даже как-то раз встретились со своими сослуживцами по части. А потом пришло известие, что “Крым” вернулся в Севастополь. И Леша с нашими, из части, капитаном и прапорщиком вернулись к месту службы. А с ними и наши “заграничные” - купоны для отоваривания в спец магазине (в те далекие времена существовали магазины, в которых могли покупать товары только имеющие специальные деньги или пропуска). Хоть и мало, а все же интересно получить. Наша команда созвонилась, и мы опять прибыли в часть. Поболтали с капитаном, получили причитающиеся деньги. Потом пошли искать Лешу. Мы нашли его на постах. Как оказалось, он стал самым “крутым” специалистом. Остальные или демобилизовались, или были отправлены в другие части. Дело, как нам объяснили, в том, что в связи с посадкой Руста на Красную площадь в армии начались перестановки и всех москвичей отправили куда подальше. Часть осталась “голой”. Так что Леша явился как нельзя кстати. Делая важный вид, он начал повествование.

- Набрали из других частей пахарей, да сеятелей. Их с трудом можно чему-то научить.

- Ну, мы уже поняли, что без тебя здесь служба завалится. - перебил его Шура. - Ты по существу рассказывай. Как до Севастополя то дошли.

- Ну, как... Походили мы вокруг Кубы, половили самолеты. Потом пошли домой. По дороге один воздуховод накрылся. Скорость чуть не до восьми узлов

Дальний поход

упала. Еле дотопали. Босфор еще раз посмотрел. В Севастополе перед отправлением покупались с недельку.

- Матросики не обижали?

- Нет. Я там со многими подружился.

- Ну и славненько.

При расставании мы договорились как-нибудь еще встретиться.

Следующим летом мы действительно встретились и отметили годовщину дембеля. Потом еще и еще... И это стало традицией. Несколько раз в год встречаться. Со временем Алексей исчез из поля зрения. Но четверка москвичей продолжает отмечать дальний поход. Иногда нас навещает Михаил из Владимира.

Идут годы. Когда я гляжу на свой “аквариум” - уголок тропического моря - мне хочется ненадолго опять оказаться на борту корабля. Ощутить мощь водной стихии... Но это лирика. И я благодарен судьбе за это удивительное приключение.

PS.

БРЗК "Крым" - списан на слом и в 15-00 26.01.2000 года уведен двумя РБ на слом в бухту Камышовая. К концу апреля с него срезали надстройки, через месяц дорезали и корпус.

БЗРК «Закарпатье» продан на лом

База в Горячих ручьях - уничтожена, оставшиеся корабли затоплены и служат для отработки действий спасателей.

